
ОГОНЁК
№ 31 ИЮЛЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Pace
Družba
和平
mir
친선
barátság
السلام
Ystävyys
PAIX
prijateljstvo
शांति
МИР
amitié
Vrede
Prietenie
amistad
PAZ
صلح
Béke
Friendship

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 31 (1572)
28 ИЮЛЯ 1957
35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПРИВЕТ ПОСЛАНЦАМ МОЛОДЕЖИ ПЯТИ МАТЕРИКОВ!

Пользуясь любезностью «Огонька», я от имени жителей Москвы через журнал обращаюсь к вам, дорогие гости.

Добро пожаловать!

Мы рады приветствовать вас в Москве, в городе, который для миллионов людей земного шара является знаменосцем мира. Вы встретите здесь людей, полных желания мирно жить с народами всех материков земли, людей, которые твердо верят, что путь к человеческому счастью лежит не через войны, а через мирное сотрудничество народов.

Мы все хорошо знаем, что за мир надо бороться. И этой борьбе, несомненно, поможет фестиваль, на эмблеме которого священные слова: МИР И ДРУЖБА!

Москвичи, наша молодежь рады ближе познакомиться с вами, юношами и девушками стран Азии, Африки, Америки, Австралии, Европы. Будьте у нас, как дома! К вашим услугам улицы и площади для карнавальных шествий, танцев и гуляний; стадионы и площадки для спортивных состязаний; театры и концертные залы для соревнований в искусстве; музеи, выставки и памятники истории для обозрения.

Жители Москвы усердно потрудились, готовясь к встрече с вами. Они одели в праздничный наряд столичные улицы, посадили и вырастили миллионы цветов, позаботились, чтобы в гостиницах вам было уютно и удобно.

Жители советской столицы постарались сделать все для того, чтобы фестиваль — этот большой праздник — прошел в обстановке сплочения сил молодежи в борьбе за мир во всем мире.

Н. БОБРОВНИКОВ
председатель Исполкома городского Совета депутатов трудящихся

欢迎!

借"星火"雜志所給的方便，我代表莫斯科居民通过該刋向你們，亲愛的客人們，說几句話。

歡迎！

我們很高興在莫斯科,在這对于全球千百万人是和平旗手的城市里歡迎你們。你們在這里會看到充滿着和世界各洲各國人民和平相處願望的人們，他們堅决相信走向人類幸福的道路不是通过战爭，而是通过各國人民和平合作。

我們都很好地知道，爲爭取和平必須斗爭。而聯歡節無疑會有助于這一斗爭，在聯歡節的會徽上寫着神聖的話語：和平和友誼！

莫斯科人和我們的青年很高興和你們,亞、非、美、澳、歐各國的青年男女們,更好地認識。請在我們這里就象在家里一樣吧！街道和广場供你們游行、跳舞和狂歡；運動場地供你們進行運動比賽；戲院和音樂廳供你們較量藝術；博物館、展覽會和名勝古跡供你們參觀游覽。

爲了迎接你們，莫斯科居民曾進行了辛勤的勞動。他們給首都的街道披上了節日的盛裝，栽培了千千万万的花，想方設法使你們在旅館里感到舒適方便。

蘇聯首都的居民曾尽了一切努力，以使聯歡節——這个巨大的節日——在青年爲爭取世界和平而合力團結的標志下度过。

莫斯科市勞動者代表蘇維埃執委會主席
波布羅夫尼科夫

Soyez les bienvenus!

Pr[illegible]ant de l'amabil[illegible] [illegible]a revue **Ogoniok**, je m'adresse à [illegible] [illegible]ers hôte[illegible] [illegible] Mosc[illegible]ites.

Bie[illegible]venue à vous !

Nous sommes heureux de pou[illegible] [illegible] a Mo[illegible] [illegible] de personnes le symbole de la paix.

Vous rencontrerez ici des gens pleins d[illegible] [illegible]a [illegible]té de vivre e[illegible] [illegible]aix et qui so[illegible] persuadés que le chemin du bonheur humain n'est pas celui de la guerre, mais celui de la coopération pacifique entre tous les peuples.

Nous savons tous qu'il faut se battre pour la paix. Le Festival dont la devise est « Pa[illegible] [illegible] Amitié ! » contribuera assurément au succès de cette lutte.

Les Moscovites et toute notre jeunesse sont heureux de pouvoir faire plus am[illegible] [illegible]naissance avec vous, jeunes amis d'Afrique, d'Asie, d'Amérique, d'Australie et d'Europe.

Mettez-vous à votre aise !

Nous vous proposons nos avenues et nos places pour les cortèges et les dé[illegible] p[illegible]r les da[illegible]es et les promenades ; nos stades et nos terrains pour les compétiti[illegible]s sport[illegible] [illegible]s t[illegible]âtres et [illegible]s salles de concerts pour les rencontres artistiques ; nos musées, nos expos[illegible] et nos monuments historiques pour le plaisir de vos yeux.

Les Moscovites n'ont pas épargné leurs efforts p[illegible]r se préparer à [illegible] recev[illegible] ils o[illegible] pa[illegible] les rues de la capitale en vue de cette grande fête ; ils [illegible]nt planté des m[illegible]ions de fleurs et n'o[illegible] rien negligé pour rendre encore plus agreable et [illegible] confortable votre séjour dans n[illegible] hô[illegible]s.

Les habitants de la capitale soviétique [illegible] fa[illegible] [illegible] [illegible]vaient [illegible]ur que la grande fête qu'est le Festival se passe sous le signe de l'union des forces de toute la jeunesse dans la lutte pour une paix universelle.

N. Bobrovnikov, [illegible] du [illegible] executif du Sovie[illegible] [illegible] députés des travailleurs de Mosc[illegible].

Willkommen in Moskau!

[illegible]

Wir freuen [illegible] [illegible]nen des Erdball[illegible] treffe[illegible] die v[illegible] d[illegible] die fest daran [illegible] Zusammenarbeit [illegible] V[illegible] we[illegible]

Wir alle wissen d[illegible] [illegible]an den Frieden erkämpfe[illegible] [illegible]en die gr[illegible] Frieden und Freundschaft [illegible] diesem Kamp[illegible]

Unsere [illegible] Australiens [illegible]

[illegible]

Die E[illegible] [illegible] der Kräfte de[illegible] [illegible] für den Friede[illegible] [illegible] vor sich geh[illegible]

N. Bobrownikow, [illegible] [illegible]ivkomitees de[illegible] [illegible] der W[illegible]kta[illegible] [illegible]

Welcome to Moscow!

Dear Friends,
I avail myself of the kindness of **Ogonyok** to welcome you on behalf of the inhabitants of Moscow.

We are glad to greet you in Moscow, the standard-bearer of peace for millions of people all over the world. Here you will meet people who wish to live in peace with the nations of all continents, who firmly believe that the way to human happiness is not in war but in peaceful co-operation between the nations.

We know very well that peace must be fought for, and the Festival will certainly help in that fight, for its emblem bears the sacred words: PEACE AND FRIENDSHIP.

Boys and girls from the countries of Asia, Africa, America, Australia and Europe, our Moscow youth are glad to make your acquaintance. Make yourselves at home in our city. Our streets and squares are open to you for carnival processions, dances and celebrations, our stadiums and sports grounds for your contests, our theatres and concert halls for your competitions in art, our museums, exhibitions and historic monuments for you to visit them.

The Muscovites have worked with a will to prepare for your reception. They have decorated the streets of the capital in festive array, planted and grown millions of flowers and prepared comfortable accommodation for you in the hotels.

The people of our Soviet capital have done their best to make sure that the atmosphere of the Festival will be one of unity of the forces of youth in the struggle for peace all over the world.

N. Bobrovnikov, Chairman of the Executive Committee, Moscow City Soviet of Workers' Deputies

¡Bienvenidos!

Aprovecho la oportunidad que me brinda gentilmente la revista «Ogoniok» para dirigirme, en nombre de los moscovitas, a nuestros queridos huéspedes:

¡Bienvenidos!

Nos es muy grato saludarles en nuestra ciudad, en Moscú, que para millones de personas del mundo entero es el abanderado de la paz. Aquí encontrarán ustedes gentes llenas del deseo de vivir en paz con los pueblos de todos los continentes de la Tierra, gentes que creen con firmeza en que el camino hacia la felicidad humana no pasa a través de la guerra, sino de la colaboración pacífica entre los pueblos.

Todos nosotros sabemos bien que hay que luchar por la paz. Y a esta lucha contribuirá sin duda el Festival, en cuyo emblema están escritas unas palabras sagradas: ¡Paz y Amistad!

Los moscovitas y nuestros jóvenes tendrán mucho gusto en entablar conocimiento con ustedes, muchachos y muchachas de los países de Asia, Africa, América, Oceanía y Europa. ¡Están ustedes en su casa! A su disposición se encuentran las calles y plazas para desfiles carnavalescos, para bailes y fiestas populares; los estadios y campos, para las competiciones deportivas; los teatros y salas de conciertos, para los certámenes artísticos; los museos, exposiciones y monumentos, por si desean visitarlos.

Los habitantes de Moscú se han esforzado para recibirles dignamente. Han engalanado las calles de la capital, cultivado millones de flores y cuidado de que su estancia en los hoteles les sea grata y confortable.

Los habitantes de la capital soviética han procurado hacer todo lo posible para que el Festival —este gran acontecimiento— se desarrolle en un ambiente de cohesión de todas las fuerzas juveniles que luchan por la paz en el mundo entero.

N. Bobróvnikov, Presidente del Comité Ejecutivo del Soviet de Diputados de los Trabajadores de Moscú

اهلا وسهلا !

ايها الضيوف الاعزاء،
استغل لطف مجلة «اوغونيوك»، وارحب بكم على صفحاتها، باسم الموسكوفيين، واقول لكم:
اهلا وسهلا!

نحن سعداء ان نحييكم، هنا فى موسكو، فى هذه المدينة التى غدت رمز السلام بنظر الملايين من الناس.

فانكم لواجدون فى موسكو اناسا تغمرهم الرغبة الاكيدة الراسخة فى العيش بسلام بين جميع الشعوب. واليقين المكين بان طريق السعادة البشرية ليس طريق الحرب بل طريق التعاون السلمى بين جميع الشعوب.

نحن نعلم جميعا انه ينبغى النضال فى سبيل السلام، ويقينا ان المهرجان الذى يجرى تحت شعار «السلام والصداقة» سيسهم فى نجاح هذا النضال.

ان الموسكوفيين وكل شبابنا لسعداء ان يزدادوا صلة ومعرفة بكم، ايها الشباب الاصدقاء من افريقيا وآسيا وامريكا واوستراليا واوربا.

خذوا راحتكم! تصرفوا كما يطيب لكم!

اننا نقدم لكم شوارعنا وجاداتنا وساحاتنا للمواكب والكرنفالات، للرقصات والاستعراضات والحفلات الجماهيرية؛ وملاعبنا للمباريات الرياضية؛ ومسارحنا وقاعاتنا الموسيقية للحفلات الفنية؛ ومتاحفنا ومعارضنا وآثارنا التاريخية لمتعة عيونكم.

ان الموسكوفيين لم يدخروا جهدا استعدادا لاستقبالكم: فقد زينوا شوارع العاصمة لهذا العيد الكبير. وغرسوا ملايين الازهار ولم يهملوا شيئا ليجعلوا اقامتكم فى فنادقنا اوفر راحة وصفاء ولذة

ولقد بذل سكان العاصمة السوفييتية كل وسعهم لكى يجرى المهرجان، هذا العيد الكبير، تحت شعار الاتحاد بين قوى الشباب من كل اقطار العالم فى النضال من اجل السلام الشامل.

ن. بوبروفنيكوف

رئيس اللجنة التنفيذية لسوفييت نواب الشغيلة بموسكو.

На VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов прибыла делегация Китайской Народной Республики.

Фото Дм. Бальтерманца.

В ваших руках — будущее человечества

Академик Н. СЕМЕНОВ,
лауреат Нобелевской премии

Есть слова, которые волнуют любого человека, независимо от того, стар он или молод. Они звучат по-разному на разных языках, но они одинаково дороги каждому, кто мечтает о счастье.

Мир и дружба!

С этими словами собираются в Москву на фестиваль тысячи юношей и девушек со всех уголков земного шара.

Для молодежи эти слова означают все: счастье заниматься любимым делом, радость учебы, светлое будущее. Ради этого светлого будущего трудятся в своих лабораториях ученые во всех странах мира.

Единение молодежи, единение ученых, единение простых людей — тружеников всех стран, их стремление построить достойную человека счастливую жизнь является огромной силой.

Эта сила не позволяет и не позволит нарушить мирный прогресс человечества.

Возможности современной науки почти беспредельны. Чтобы целиком использовать эти возможности на благо людей, прежде всего необходимы мир и дружба между народами. Вот почему сегодня ученые старшего поколения так горячо приветствуют юношей и девушек всех стран земного шара, которые соберутся в Москве на свой замечательный праздник.

В ваших руках, дорогие друзья, будущее человечества. Боритесь за него, сделайте его счастливым!

Индонезийские спортсмены — участники III Международных дружеских спортивных игр молодежи — у Московского государственного университета на Ленинских горах.

Гости в Москве

С. МАРШАК

К нам идут, по всей земле шагая,
Как шагает в сказке великан,
Гости
Через Альпы,
Гималаи,
Атлантический и Тихий океан.

Слышишь от Стромынки
До Ордынки
На любом наречье разговор,
Слышишь то шотландские волынки,
То гитар гавайских перебор.

Собрались в Москве все части света:
Австралиец,
Швед,
Араб,
Француз, —
Будто нынче летом вся планета
Прикатила в гости к нам в Союз.

Группа молодежи из Румынии приехала на праздник мира и дружбы

ТРОЕ ИЗ 30 ТЫСЯЧ

Эта фотография сделана в Лейпциге, во дворе студенческого общежития, которое носит название «Дом дружбы». Но когда выйдет журнал, запечатленные здесь трое друзей: Гильберт Андре Омане-Менза (Гана), Мудиасе Ухумунамуре Асемота и Идоу Акинджоби (Нигерия) — будут уже в Москве среди тридцати тысяч других участников фестиваля.

Они написали для журнала «Огонек» небольшое приветствие. Переводится оно приблизительно так: «Мы, обучающиеся в ГДР студенты, шлем привет молодежи всего мира. Мы приветствуем также всех, кто приедет на фестиваль в Москве. За мир и дружбу между народами!»

Awa omo ile iwe ti
nkowe ni ilu Jamani
ki gbogbo awon omo ile
iwe gbogbo aiye ati
awon omo ati agba ti
nbo. wa si Mosko lati
wa jojo. fun alafia
ati ike awon eda
ni aiye yi
Idowu Akinjobi

МОЛОДЫЕ АКТЕРЫ ИЗ АНГЛИИ

360 актеров, музыкантов, певцов и танцоров из Англии покажут свое искусство и будут участвовать в творческих соревнованиях на Московском фестивале.

Будет поставлена пьеса «Обернись во гневе». Двадцатисемилетний автор Джон Осборн — он же актер и режиссер — тоже приедет в Москву. В главных ролях выступают молодые актеры Уэнди Вильямс и Ричард Паско, которого московские зрители знают по исполнению роли Фортинбраса в «Гамлете», в постановке Питера Брука.

Театр «Уоркшоп» везет спектакль «Макбет» — вполне, как нам кажется, шекспировский, хотя и поставленный в условных декорациях.

Бертис Ридинг

Английские баллады и блюзы — таков репертуар Бертис Ридинг. Москвичи услышат ее на фестивале.

Молодые шотландские волынщики из Боухилла и Лочора, двух маленьких горняцких деревушек, не раз появлялись с музыкой на улицах своих и соседних деревень, собирая деньги, необходимые для поездки на фестиваль. Звуки шотландских волынок прозвучат на Красной площади Москвы.

Дж. УОРРЕН

Шагай вперед, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели.
Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли.

Фото Дм. Бальтерманца.

Иван Рудской на Варшавском фестивале в 1955 году раздает целинную пшеницу.

Иван Рудской, житель целины

Мария БЕЛКИНА

Зерна

Стадион гудит — разноязычный и разноликий. На трибуне, где тень, особенно людно. Сирийцы в черных халатах, арабы в чалмах, экспансивная тоненькая испанка, спокойный англичанин в очках и чернокожая девушка из Венесуэлы в соломенной шляпе — все они говорят на разных языках и понимают друг друга.

На трибуне появляется парень в белой тенниске. В руках у него мешок. Он пробирается по рядам, ищет место, где бы сесть. Свободных мест нет. Девушка из Венесуэлы подвинулась и жестом пригласила парня сесть рядом. Он опустился на скамью и поставил мешок у ног.

— Хелло! Целина! Совьетик!..

Парня узнали, окружили. Его хлопают по спине, обнимают. Загорелый, темноглазый, с упрямой складкой между бровей, он улыбается смущенно и застенчиво. Его помнят по Вене. Там на Конгрессе сельской молодежи он рассказывал о целине. Это был первый «целинный» год — 1954-й. Многие из тех, кто сейчас обнимает его, начитавшись газет, в которых злобно лгали о жизни в СССР, задавали ему тогда такие вопросы: правда ли, что на целину посылают в принудительном порядке? Правда ли, что на целине живут в лагерях за колючей проволокой?

Да, так спрашивали в 1954 году! Теперь другое. Теперь задают другие вопросы:

— Как живешь, Иван? Как целина? Как бригада? Урожай?..

— Я обещал... Помните, в Вене? Привезу на Пятый фестиваль в Варшаву зерно с целины... Привез... Вот оно!

Набрав из мешка горсть зерна, Иван высыпает его в розовые ладошки своей черноликой соседки из Венесуэлы. И вот уже десятки, сотни ладоней тянутся к Ивану.

Вначале Иван щедро, пригоршнями сыплет зерно. Потом его рука становится скупее, и все меньше зерен ложится в протянутые ладони... А ладони тянутся к нему. Мешок пустеет... Мешок пуст... Иван выворачивает его наизнанку и в складках грубой ткани находит еще три зернышка. Только три! Они достались студенту из Египта. Студент бережно заворачивает зерна в листок, вырванный из блокнота, и прячет их в боковой карман пиджака...

А зерна целинной пшеницы продолжают расходиться по рукам. Теперь те, кто получил целые пригоршни, делятся с теми, кому ничего не досталось, отсчитывают, как крупицы золота, янтарные зернышки.

— Больше не дам! Мои! — твердо говорит девушка из Венесуэлы, сжимая оставшиеся несколько зерен в кулаке.

— Что ты будешь делать с ними? — спросил Иван.

— Приеду домой, брошу в землю. Каждое зерно — один колос, каждый колос — двадцать зерен, пять колосьев — сто зерен, сто колосьев — две тысячи зерен! Я посажу, он посадит, она посадит.— говорит девушка, тыча своим черным кулачком вокруг.— Золотой Берег, Куба, Канада, Испания, Америка — везде взойдут зерна! Понимаешь, Иван? Везде, далеко-далеко от твоей страны взойдет твоя пшеница!

Красная книжечка и голубая «Победа»

...От горизонта до горизонта пшеница. Направо глянешь, налево глянешь — бегут зеленые волны! Только дороги отделяют поля друг от друга, прорезают их крест-накрест. На дороге столб. Тракторист-лихач проехал и свернул его. На столбе надпись: «Отсюда 23 апреля 1954 года бригада Ивана Рудского начала свое наступление на целину...»

— Мы камень один приметили,— рассказывает мне Рудской, ведя по дороге свою голубую «Победу»,— хотим сюда перетащить. На нем высечем такую надпись. Пусть на память останется... В старых былинах, помните, говорилось: «Прямо пойдешь — смерть найдешь, налево свернешь — коня потеряешь». А мы куда ни пойдем,— всюду жизнь...

Отсюда, от этого столба, бригада Рудского провела первую борозду. И началась жизнь в дикой степи. Началась жизнь бригады... Пришли пареньки. Кто из десятилетки, кто из армии. Кто уже водил трактор, кто сел впервые. Рудской подобрал молодцов крепких, веселых, все украинцы. Он и сам с Украины. Никто не слыхал до той поры ни о Денисенко, ни о Козыре, ни о Рудском...

Настала осень 1954 года. Подвели итоги — и вышла бригада Рудского на первое место в стране. Надо было поднять целины 1 035 гектаров, подняли 2 730...

Легко теперь произносить эту цифру. Легко сказать: обещали взять урожай в 100 пудов с гектара, а взяли 142! Просто вставлять в графы эти цифры, просто произносить их с трибуны! А как они дались! Сколько сил, душевной муки, волнения вложено в них!

Ломались плуги, не поддавалась слежавшаяся веками земля, суховей сушил всходы, огонь грозился спалить урожай. Бились за каждый колос, бились за каждый грамм горючего, бились за время, за каждую минуту, бились за людей, за каждого человека. Были в бригаде и маловеры, были рвачи, были лентяи. Все давалось не просто, все с бою. Одну битву выиграли, в другую вступили... Взяли в прошлом году 142 пуда с гектара, в этом бьются за 150!

— Здесь, что ли, постоим? — говорит Рудской, останавливая «Победу» у самой кромки хлебов.

Единственное место, где можно поговорить с Рудским,— это его «Победа». Который уже день я не выхожу из машины! Знаю, утром, засветло, он уедет из дому и вернется, когда стемнеет. То он у трактора, засучив рукава по плечи, роется в его нутре, то принимает отремонтированный комбайн, то помогает молодому, неопытному трактористу затянуть «штырку» навесной косилки. А в крохотном кабинете, в вагончике, где, втиснувшись между окном и железной печкой, под знаменем, врученным его бригаде, он подписывает наряды, не прерывается разговор о гайках с газовой резьбой, о кронштейнах, лафетах, хедерах, о том, что масло всё и трактора могут стать, что горючего привезли только две бочки, а в поле в разгаре сенокос и там копнитель заело.

Из бригады «Победа» несется в МТС, из своей МТС — в соседнюю, а по дороге надо, кстати, заглянуть, как там живет бабка одна, избирательница: не обижают ли ее, вернули ли ей ее дом? Голубую «Победу» хорошо знают во всех селах района, где живут избиратели Рудского. В девять часов заседание правления колхоза, а перед этим еще надо наделать самана. Двое трактористов женились, к зиме хотят переехать в свои дома. Бригада решила обеспечить молодоженов строительным материалом.

Завтра с рассветом «Победа» понесется в Кустанай, где начался областной фестиваль молодежи. Там Рудской будет рассказывать о своих зарубежных друзьях. А из Москвы уже лежит приглашение на VI фестиваль молодежи. Перед поездкой в столицу надо успеть слетать в Алма-Ату по депутатским делам...

И вот я дежурю в «Победе»,

Вена. 1954 год. Конгресс сельской молодежи. Стол заседаний. Третий справа — Иван Рудской.

жду, когда измученный вконец Рудской перестанет крутить руль. За рулем он не очень разговорчив...

— Постоим, что ли, подышим ветерком?..

Из кармана вынимается красная записная книжечка. Рудской начинает ее листать. О чем, о ком он будет говорить в Кустанае? Страницы исписаны мелким быстрым почерком. Это почерк хозяина книжечки, самого Ивана Ивановича. Исписаны некоторые страницы и чужими почерками, на чужих языках: адреса, пожелания, слова дружбы!

...Кармен, Испания. Адреса нет, фамилии нет. Просто Кармен. Оно и понятно. Испанскую делегацию не пускали на фестиваль в Варшаву. Только смельчакам удалось пробраться. Кармен — работница из-под Мадрида. Ей пришлось рассчитаться с фабрики, пустить слух, что выходит замуж в далекую деревню, переменить фамилию, ночью тайком перейти границу и, скрываясь от французских властей, пробраться в Варшаву. «Уже только тем, что я здесь, на фестивале, я доказала, что я за дружбу и мир». Кармен... Черная копна волос, черное платье, развевающаяся юбка. Она умела все так объяснить руками, что и без слов было понятно...

...Вячеслав Ружанский — большой, сильный парень. Попади в его объятия, кости затрещат. Тоже тракторист, депутат сейма, из Варшавского воеводства. Они встречались в Вене, в Варшаве. Когда они сойдутся с Рудским, их не разведешь: им есть о чем поговорить...

...Алари Нурия — красавица-рыбачка из Италии. День и ночь они с отцом рыбачат. Средиземное море дает богатый улов. Они сбывают рыбу в городе. Только пятнадцать процентов от выручки достается им. Остальное идет на подати. Алари хотелось учиться, но она окончила только три класса: старик-отец не мог ее прокормить...

Рудской листает страничку за страничкой, произносит одну фамилию за другой, называет одну страну за другой: Алжир, Тунис, Иран, Аргентина... С одними он переписывается, других запомнил по первой встрече.

А стрелка часов неумолимо кружит. И по дороге с поля уже несутся мотоциклы, один за другим, в клубах пыли. (Кустанайская область славна своим хлебом, славна и своей пылью!) Это бригада Рудского окончила работу, трактористы катят в Цабелевку...

Иван Иванович-старший с Иваном Ивановичем-младшим.
Фото Ю. Немова (ТАСС)

Флажок из Гвинеи

Цабелевка — это так село называется. Откуда такое название, никто не знает. Рудской шутит:

— Ехали два хохла, погоняли волов. Один Митрий, другой Левка. Левка задремал, волы потянули в сторону. Митрий и крикнул: «Цабе, Левка!» Вот и вышло Цабелевка!..

Цабелевка — старое село. Было бедное село. В 1953 году колхоз с трудом наскреб тысяч 500 дохода Теперь бригада Рудского подняла земли вокруг, и дала целина колхозу около 4 миллионов. Село дальнее, глубинное, посреди степи стоит, посреди целины. А посреди села хата Рудского. Саманная, конечно. Где в степи лес? Хата, как хата: беленая, цветы на окнах, вышитые украинские полотенца обрамляют семейные фотографии на стене. Никелированная кровать, шифоньер, радио, как в любой хате Цабелевки. Но рядом с украинским полотенцем вдруг плакат висит: «Encontro da Juventude Rural Brasil» — «Слет сельской молодежи Бразилии». Под зеркалом два овальных металлических блюдца — подарок мексиканки, королевы красоты, которую каждый год выбирают на празднике урожая в Мексике. На столе чернильница из куска угля: «Рудскому от варшавских горняков».

Младший Иван Иванович, уже целинного происхождения, таскает фетровую феску, сильно утратившую свою первоначальную белизну. Рудской на приеме в Варшаве подарил авторучку албанцу Александру Челика, а тот отдал ему свою феску...

А вот в коробке, в шкафу, хранится помятый маленький бумажный флажок из Гвинеи... Да, из Гвинеи!

— Ох, и парень же этот Панго! — говорит Рудской, говорит конечно, не в Цабелевке, не дома, а опять в «Победе», за рулем, посреди степи: опять он колесит по делам бригады.

Панго! Лет тринадцать — четырнадцать было этому парню из Гвинеи. Бедный пастушонок, он из Африки пробрался в Вену, на Конгресс сельской молодежи, без копейки денег, без разрешения и проездных бумаг. Его никто не приглашал, но он слыхал, что в Вене будут говорить о мире. Он спрятался в трюме парохода, а в океане, когда невтерпеж стало от голода, явился перед командой. Два месяца Панго добирался до Вены. Золотой Берег, Берег Слоновой Кости, Либерия, Сенегал, Мавритания, Канарские острова остались позади, а впереди Касабланка, Танжер, Гибралтар, Сицилия... Команда парохода доставила его в Италию. Там он бродяжничал, пробираясь по суше где пешком, где в товарном вагоне. И все же перемахнул через австрийскую границу!

Не зная языка, без денег, Панго первым, раньше всех добрался до Вены. Так и ходил по Вене: босой, в залатанных штанах, в огромной соломенной шляпе, нестриженый; кожа коричневая, глаза черные, так и сверкают. Все ему хочется знать, все увидеть...

— Ему бы учиться... А то будет пасти чужих буйволов там у себя, в Гвинее. Или пойдет бродяжить...

Что такое бродяжничество, Иван Рудской знает. Он был меньше, чем Панго, когда бежал от фашистов из своего села. Два раза бежал. Один раз уводил тракторы, сам еще рычаг еле-еле доставал. Другой раз с мальчишками удирал через Северный Донец, когда гитлеровцы уже ворвались в село. Шесть раз село переходило из рук в руки. Иван скитался по прифронтовой полосе, голодал, ждал, когда можно будет вернуться обратно домой, а в тыл не хотел уходить.

Говоря о Панго, Рудской вспомнил свое детство. Начал рассказывать и замолчал. Долго-долго глядел в степь сквозь мокрое стекло машины. Мы стояли посреди степи, опять у кромки хлебов. Шел дождь. Лето было в разгаре, тучи все ходили над Цабелевкой, а ветер прогонял их мимо, и вот только теперь прорвало.

— Знаете,— сказал наконец Рудской,— есть трудная дружба. У меня был случай в Вене, в опере. Слушали «Снегурочку». Я сидел рядом с австрийцем Францем Хагером. Он конгресс вел. Здорово вел! Его потом минут двадцать качали. Не давали на ноги встать. Благодарили... Мы с ним много говорили тогда, в опере. Я спросил его, откуда он знает русский язык. «У вас в России научился, — ответил он. — Воевал против вас в гитлеровской армии, офицером был...» Потом выясняется: он на Северном Донце в боях участвовал.

— Под Красной Гусаровкой? — спросил я.

— Да,—ответил Хагер.

А эта Красная Гусаровка рядом с нашим селом Он и в нашем селе был. Может, это по его приказу село спалили, подумалось мне. Когда я вернулся, там все лопухами позарастало. Он ничего не скрыл от меня. Говорил, что под Сталинградом ни за что не хотел в плен сдаваться. Ранен был, ноги были отморожены. В Казани три года в госпитале лежал. И оттуда другим человеком вышел. По-другому стал жизнь понимать

Ох, и худо тогда в опере у меня на душе было! Вроде друг, вроде свой, а таким врагом был!

— Смотрите, — прервал себя Рудской и выскочил из машины под дождь, — пшеница колос выбросила!

И правда, поле заколосилось. Еще утром, когда мы проезжали мимо, пшеница была в трубке. Видно, дождь помог.

— А наверное, где-нибудь в Африке, на Золотом Берегу, тоже взошла наша пшеница, — сказал Рудской, возвращаясь к прерванному разговору, и, усевшись за руль, вытер мокрое лицо.— «Если бы парни всего мира...» Видали, конечно? Я это хорошо понял в Вене. Когда закрывался конгресс, все, не сговариваясь, взялись за руки и так кружились по залу. И еще в Варшаве, в парке, когда был карнавал, мы шли, несколько русских, по аллее и запели: «Широка страна моя родная». И вот нам стали подпевать сначала в одном месте, потом в другом, и вдруг весь парк запел за нами на всех языках

Глупо, что я не взял тогда всех адресов у тех, кому роздал зерна. Даже с точки зрения науки это интересно. Как там, допустим, на Мадагаскаре, привилась наша целинная «альбидум»? Обязательно спрошу Увижу в Москве. Приедут, наверное.

Они приедут!

В Варшаве Иван Рудской, житель целины, пригласил их от имени советской молодежи в Москву на VI Всемирный фестиваль.

Не думайте, что Рудской сфотографирован в Индии. С ним девушки из Кустаная: комбайнер Нина Дербунова, исполнявшая на областном фестивале молодежи индийский танец, и птичница Люба Балахонова.
Фото В. Давыдова.

Они встретятся с Иваном Рудским. Когда в Вене они познакомились, он был бригадиром с целины. В Варшаву он поехал, будучи уже депутатом Верховного Совета Казахской ССР. В Москве его увидят с золотой медалью Героя Социалистического Труда...

— Это мне все авансом выдано, в счет будущего, — говорит Рудской.— Надо еще отработать!..

Большие перемены произошли в жизни Ивана Ивановича Рудского за эти три года. А как сложились судьбы его зарубежных друзей? Как Кармен? Как Ружанский? Как Панго? Учится ли? Или все пасет чужие стада, сгоняя их игрой на кларнете, подаренном ему Рудским? А девушка из Венесуэлы? Посеяла ли она «зерна дружбы»? Собрала ли урожаи? Наверное, собрала. Не могла не собрать! Они упали на хорошую почву

Алжир и Канада, Тунис и Шотландия, Австралия и Финляндия — из далеких уголков земли дороги тянутся в Москву. Новые встречи... Новые дружбы... Мир и дружба! Счастье и любовь! Пусть они вечно сопутствуют всем молодым жизням во всем мире!

Цабелевка
Кустанайская область

Король Афганистана Мухаммед Захир шах на нефтяных промыслах Сталинского района Баку.

ПРЕБЫВАНИЕ КОРОЛЯ АФГАНИСТАНА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В Советском Союзе гостят Его Величество король Афганистана Мухаммед Захир шах и сопровождающие его государственные деятели Афганистана.

Глава Афганского государства посетил ряд городов и районов нашей страны. Повсюду высокого гостя тепло встречали советские люди, желающие дальнейшего укрепления добрососедских отношений с дружественным Афганистаном.

На Ново-Бакинском нефтеперерабатывающем заводе.
Фото А. Гостева.

Дорогая Яолиночка

Она принадлежит к той группе членов китайской делегации на фестиваль, которая «приехала» раньше всех. Я беру слово «приехала» в кавычки, потому что Пан Яо-лин находится в Москве уже почти три года.

В 1954 году Пан Яо-лин вместе со многими китайскими студентами послали учиться в нашу страну. Она студентка Московского института химического машиностроения. Китайская молодежь избрала и ее делегатом на фестиваль.

— Я не знаю, почему выбрали именно меня. Я не сделала в своей жизни ничего замечательного,— говорит она, застенчиво улыбаясь.— Да я и не знаю, что рассказать о себе... Я такая же, как все.

Зато советские студенты знают, почему эту скромную девушку китайские друзья выбрали своим делегатом на фестиваль. С трогательной нежностью рассказывают они о Пан Яо-лин, своей «дорогой Яолиночке», как ее ласково называют в институте.

Пан Яо-лин — молодежный руководитель китайской группы студентов института. За все три года в ее зачетной книжке были только отличные отметки.

— Да, мне много приходится заниматься в институте, — рассказывает она.— Я всегда мечтала стать инженером. Моей стране очень нужны специалисты, и когда я закончу институт, то обязательно пойду работать на завод.

Я очень счастлива, что попаду на фестиваль, встречусь со своими товарищами, которые приедут с китайской делегацией, и с еще незнакомыми друзьями из других стран мира. Ведь так интересно узнать, как живет, учится, трудится молодежь всех стран! А мечта у всех нас общая — это мечта о мире.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Они подружились в Москве: Пан Яо-лин и сибирячка Клара Лоскутова.
Фото В. Тюккеля.

«БЛИЗКАЯ» ИЗ ДАЛЕКОЙ ПРОВИНЦИИ ФУ-ТХО

На пути высокий перевал,
Но мой дух не ниже этих скал...

Так поется во вьетнамской песне о носильщицах, которые под палящими лучами солнца, в непогоду доставляли продовольствие и патроны бойцам Народной армии. Одной из таких носильщиц была Данг Тхи Ингок Ган — девушка из провинции Фу-Тхо. Ган — по-вьетнамски значит близкая. У нее черные блестящие волосы, кроткий взгляд черных миндалевидных глаз, маленькие изящные руки и тихий, ласковый голос.

Ган было пятнадцать лет, когда в лес, где скрывались от оккупантов жители ее деревни, пришел незнакомец в коричневой гимнастерке, с изуродованным двумя косыми шрамами лицом. Он долго рассказывал о вожде вьетнамского народа Хо Ши Мине, о героической борьбе, которую ведет народ против захватчиков.

В ту же ночь Ган ушла из дому. Днем она пряталась в лесу, а по вечерам выходила на дорогу и шла из деревни в деревню, по всей провинции Фу-Тхо. Она агитировала, звала девушек вступать в отряд помощи Народной армии.

Так появился отряд из шестидесяти девушек-добровольцев под руководством маленькой Данг Тхи Ингок Ган.

...Однажды солдаты Народной армии, форсировав реку Да, укрепились на противоположном берегу. Необходимо было доставить им продукты и боеприпасы.

В ночной тишине девушки погрузили на баржу ящики и оттолкнулись длинными шестами от берега. Большая часть пути уже была пройдена, когда порыв ветра разорвал тучи и желтая луна повисла над рекой. Начался обстрел. Среди девушек поднялась паника. И лишь маленькая Ган сохранила присутствие духа. Она вскочила на ящик и крикнула:

— Успокойтесь! Гребите, гребите сильнее! Иначе погибнем!

И, схватив весло, Ган стала грести.

Девушки подчинились ей. Баржа благополучно доплыла до берега. Но когда они подошли к условленному месту, там никого не оказалось. Стало совсем светло. В небе загудели моторы вражеских самолетов. Неподалеку упало несколько напалмовых бомб.

Девушки увидели, что к ним направляются неприятельские солдаты. Восемь дней продолжалась за ними погоня, но Ган все же удалось вывести свой отряд из окружения и соединиться с 312-м батальоном Народной армии, ведшим стремительное наступление в долине реки Да.

...Только что окончился бой. Раненые лежали под открытым небом, на солнцепеке.

По старому вьетнамскому обычаю, девушка не должна ухаживать за мужчиной. Поэтому добровольцы-носильщицы стояли в стороне. Только маленькая Ган, едва успев сбросить ящики, подбежала к раненому солдату и стала промывать и перевязывать рану.

Девушки смотрели на это, все еще не решаясь нарушить обычай. Но тут заговорила Ган:

— Неужели вы будете спокойно смотреть, как страдают наши братья?

Никто ей не ответил. Но несколько девушек уже подошли к раненым. За ними последовали и остальные...

Командование наградило Данг Тхи Ингок Ган орденом Бойца II степени, а отряд, которым она руководила,— орденом Бойца III степени. Молодежь провинции Фу-Тхо выбрала Ган членом провинциального комитета Союза трудящейся молодежи. Теперь она участница VI Всемирного фестиваля.

М. КАФАНОВА

Данг Тхи Ингок Ган.
Фото Р. Лихач.

Москва.
У Манежа.

Фото
С. Фридлянда.

Площадь Маяковского.

Дорогомиловская набережная.

Сергей АНТОНОВ

РАССКАЗ БЕЗ ГЕРОЯ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Вот уже второй год Варя работает в красильном цехе художественной артели. Второй год она расписывает деревянные ложки старинным хохломским узором, совершенно так, как ее учили в Семеновской профтехшколе,— под травку. Другие художницы предпочитают разрисовывать деревянные вазы и поставцы, выдумывают новые витиеватые узоры, но Варя выше третьего разряда работу не берет: боится.

Цех помещается в длинном бараке. По обеим стенам его — большие, почти до потолка, квадратные окна. Вплотную к окнам торчком приставлены низкие, грубой работы столы. Столы узкие, в две доски, но длинные — за каждым свободно усаживаются по шести художниц. От ворот до самого конца цеха по проходу между столами тянутся рельсы узкоколейки. Рабочие вагонетками подвозят «белье» — некрашеные ложки — и увозят к сушильным печам расписанную продукцию.

Целый день вдоль рельсов вышагивает старый художник, дедушка Подобедов Иван Егорович, знаменитый мастер, про которого указано даже в энциклопедии. Он всегда в темной косоворотке, перехваченной крученым пояском с кисточками, и в синих, постоянно сползающих брюках. У него коричневые, словно глиняные, руки и апостольская белая борода. По причине преклонных лет и слезы в левом глазу Иван Егорович уже не работает, а только следит за качеством и дает советы. Что это за должность «инспектор ОТК», он, честно говоря, не вполне понимает и в глубине души удивляется, как это ему платят деньги за то, что он целый день ходит между столами.

В последние годы работа пошла совсем не такая, как раньше. Прежде, бывало, чего только не расписывали хохломские мастера — одних деревянных ложек было не меньше полусотни фасонов, и каждый фасон имел своего покупателя! Интеллигентскую баскую и полубаскую ложку брали в московские трактиры третьего разряда да в кучерские; «сибирка» шла в сибирские остроги; баржи, груженные «загибкой» и «серебрушкой», гнали на Каспийское море, а оттуда — в Персию; «хохлатку» возами отправляли на Украину... Кержаки щедро платили за «старообрядку», на которой ложкари вырезывали крест вместо коковки. «Межеумок» покупали на пристанях грузчики. Была эта ложка крупная, как уполовник, артельная, чтобы побольше зачерпнуть ухи из полуведерной ветлужской плахты. Расписывали ложки детские, перетирательные, горчичные, салатные, расписывали сливочные — косые, чтобы ловчей снимать верх с молока... А сейчас нет ничего — гонят один фасон, да и тот, по правде сказать, никому не нужен. Варька, и та обжигает губы алюминиевой ложкой. Да почти все мастерицы-художницы хлебают щи алюминиевыми.

Мастерицы в артели разные — и пожилые и молодые. Горластые и нахальные сидят возле окон, у света, а те, кто потише и робее,— с краю, у прохода. На краю сидеть плохо, потому что и свет далеко и проходящих приходится опасаться — могут ткнуть невзначай под локоть. А главное, крайние все время на глазах у дедушки Подобедова и чаще других выслушивают его придирки.

Варя сидит у самого края.

На ней серенькое рабочее платьице. И косы у нее серенькие, пепельные, свисающие двумя тонкими дужками и прихваченные у висков бумазейными бантиками.

На столе, возле Вари,— блюдечки с кадмием и сажей, подготовленные для росписи деревянные ложки, покрытые алюминиевым порошком. Так же, как и у других мастериц, юбка у Вари высоко поддернута. Положив на голое, заляпанное краской колено ложку, Варя разживляет ее старинным узором, рисует веточки, листочки, ягодки.

Утро, с которого начинается наш рассказ, было ясное, осеннее. Солнышко ярко светило в окна, и лучи его доставали до Вари. «Стая» — так называют партию ложек,— грудой лежащая на столе, горела серебряным огнем и бросала на потолок светлые зайчики. Варя брала ложку, упирала ее ко[illegible] о колено и проводила ровную черт[illegible]лек. По обе стороны стебелька завивала она по три веточки, откладывала ложку и брала следующую. Один стебелек, три веточки — и так восемь часов. Надо торопиться, выполнять норму.

Вот на Варины руки легла тень. Это подошел дедушка Подобедов и глядит сзади, к чему бы придраться. Когда у него портится настроение, он распекает художниц за что попало. Обыкновенно он выбирает девчат тихих и безответных, и поэтому Варе достается чаще, чем другим.

Чувствуя позади себя Ивана Егоровича, Варя старалась провести стебелек ровней и тоньше. Но разве получится что-нибудь, когда сзади глядят под руку?

— Ну-ка, дай на проверку! — раздается строгий голос мастера.

Пока Иван Егорович поворачивал ложку перед дальнозоркими своими глазами, Варя смотрела на него испуганно.

— Как ты считаешь,— спросил наконец дедушка,— вкусно из твоей ложки будет щи хлебать?

— Не знаю,— тихо отвечала Варя.

— Кого ты тут нарисовала? — Соседки побросали работу и прислушались. — Кого нарисовала? Ну? — повысил голос мастер.

— Не знаю...

— Заладила одно: не знаю да не знаю! Где тут дефект?

Варя молчала. «Не знаю» говорить не велят, а по-другому отвечать она не умела.

— Ученые!..— Подобедов не пропускал случая напомнить, что Варя три года занималась в профтехшколе, а, кроме ложек, ничего расписать не может, а он, Иван Егорович, две зимы проучился у дьячка грамоте, а работы его известны и в Японии и в Америке.— Вот гляди, как по-нашему, неученому.

С тем выражением сосредоточенного внимания, с каким старые люди вдевают нитку в иголку, Иван Егорович поднес кисточку к ложке. И на глазах Вари совершилось чудо. Кажется, не успела еще острая кисть коснуться затылка ложки, а на нем уже появились и тонкий стебелек и три удивительные завитушки.

— Ну как? — спросил мастер, сразу подобрев оттого, что удачно получилось.

— Не знаю...

— Чего не знаешь? Хорошо или плохо?

— Хорошо.

— То-то и есть, что хорошо. А то червяков пишут, а потом шумят, что кооперация ложек не берет. Куда они, ложки с червяками?

И старый мастер удалился в конторку.

Но этим дело не кончилось. К Варе подошел Колька, парень который на год раньше ее окончил профтехшколу и тоже сидел на третьем разряде. Колька бесцеремонно взял из ее рук ложку и сказал голосом Ивана Егоровича:

— А ну, какой дефект?

Весь цех покатывался со смеху. Только Варя молчала и опускала голову.

Впрочем, смеялись недолго. Проходила минута, и снова устанавливалась сосредоточенная тишина. Иногда только пожилая художница тетя Наталья разгибала хрустящую спину и громко вздыхала: «Ох, батюшки, цветики-ягодки!» И снова становилось тихо, только щелкали по столам ложки.

Солнце поднялось выше. Наступил полдень — обед. Одни пошли в столовую, другие перекусывали тут же, на рабочих местах, развязав узелки, принесенные из дому.

Варя пошла в столовую, взяла второе и два компота.

В столовой шумно и беспокойно: там обыкновенно сплетничают, обсуждают артельные новости... Прямо угореть можно от этакого шума.

Сегодня, например, стало известно, что из областного города Г. получен заказ: просят расписать «под Хохлому» стены и потолок табачного магазина, того, что на главной улице. Работа интересная, сложная — меньше чем за месяц не управишься. Говорили, что начальство хочет послать в город четырех мастеров и двух подсобниц, и вся столовая шумела и спорила, кому ехать.

— Ивана Егоровича надо послать,— сказала Варя.

Или потому, что говорила она очень тихо, или потому, что дело ее вовсе не касалось, но никто ее не слушал.

Мастеров, желающих поехать на выгодную работу, набралось много, а вот с подсобниками трудней: никто не хотел ехать.

— Здесь на ложках больше выработаешь, чем там подсобницей,— говорила Варя, но снова на ее слова никто не обращал внимания, будто не было ее вовсе в столовке.

Пообедав, она пошла в цех, села на свое место и, хотя перерыв еще не кончился, принялась за работу.

Через час подошел Иван Егорович.

— В город хочешь ехать? — спросил он.

Варя посмотрела на него озадаченно: не шутит ли? Она еще никуда не ездила из своего маленького городка. Городок, в котором родилась Варя, не так давно был окружен лесом, и на древнем гербе его нарисован штабель дров. А грибов за рекой — хоть косой коси! Варя любила свой городок, привыкла к нему, любила ходить за реку, и ей казалось невероятным, что она когда-нибудь уедет отсюда. И она ответила:

— Не знаю.

— Там тебе не ложки,— продолжал уговаривать Иван Егорович.— Там центральный магазин станут расписывать. Панели — под фон. Поедешь?

— Не знаю.

— Поезжай. Мастерам подсоблять будешь.

И Варя поехала.

Прошел день, прошла неделя, прошел месяц, а никто и не заметил, что в цехе нет Вари. Так же похаживал между рельсами Иван Егорович, размышляя, за что ему платят деньги, так же вздыхала, разминая спину, тетя Наталья, так же, как прежде, выполнялся план.

На Варином месте сидела новенькая — пухленькая и конопатая. Когда мимо проходил Иван Егорович, она смущалась и прикрывала тупое колено юбкой. А когда Колька передразнивал возле нее Ивана Егоровича, она бросала ложки на пол и грозилась уйти в другой цех, на полудку

Дни наступили хмурые, дождливые. С утра в цехе стали зажигать электричество. И дневной электрический свет напоминал о том, что еще одно лето прожито, что с часу на час нужно ждать снега.

Бригада художников вернулась внезапно, раньше срока Художники приехали веселые, навезли покупок, обновок, — видно, хорошо заработали. Приехали все, кроме Вари. Как и другим, ей полагалось отгулять четыре выходных, и она решила провести эти дни в городе. Кое-кому показалось странным, что такая трусиха не побоялась остаться одна, но много об этом не думали: Варя была сирота, и о ней некому было беспокоиться.

Прошло еще четыре дня. Вари не было. Она опоздала на целые сутки. Такого с ней никогда не случалось. Как она оправдывалась перед заведующим, неизвестно, но к работе ее допустили. Она вошла в цех часов в девять утра, когда все сидели на местах, склонившись над росписью, и над каждой головой горела электрическая лампочка.

Иван Егорович увидел Варю издали. Увидел и не узнал. По цеху шла красавица в сереньком Варином платье, шла словно по ветру, сильно и прямо, никого не сторонясь и не дробя широкого шага. Голова ее гордо стояла на шее, и пепельная коса, уложенная венком, мерцала на голове короной.

«Она или не она? — гадал Иван Егорович.— Нет, не она. Эта вроде ростом повыше».

Девушка остановилась возле стола, взглянула на конопатую толстуху и, чуть подумав, сказала:

— А ну, с моего места, как с сырого теста!

С этого дня началось непонятное.

Попробовал было Иван Егорович по старой памяти подступиться к Варе с замечанием, но так и не доконочил своего вопроса.

— И чего вы с меня спрашиваете? — перебила его Варя.— Ровно сами не знаете! Чем нас корить, зашли бы лучше к начальству да стукнули кулаком об стол. Когда нам настоящую краску доставят? Долго еще нам на заменителях сидеть? Глядите — разве это черная краска? Мазнешь, а она седая. Куда ее! А кадмий? Сами знаете, чего к нему ни подмешивай, все равно красного цвета не даст. Киноварью обведешь ободок — она смеется, ложечка-то, а у нас — кадмий...

— Бери вазу расписывать, тогда и киноварь тебе будет и что хочешь! — строго сказал Иван Егорович.— На ложки мы дефицитного материала не даем.

— А что мне! Возьму и вазу.

В конце работы Варя подошла к Ивану Егоровичу и, тронув за рукав, проговорила:

— Пиджак вапом замарали.

— Ладно, мне не на свадьбу.

— Вы не серчайте, если я не так что-нибудь...

— Это ладно. А ты, верно, вазу не испугаешься расписать? Вазы-то для выставки. Смотри!

— Дадите — не испугаюсь.

И Варе дали вазу.

Иван Егорович попробовал разузнать, что случилось, у художников, вместе с которыми Варя ездила в город. Это были пожилые, серьезные люди, но как следует они ничего объяснить не могли. Работали в городе каждый день, без выходных, с утра до вечера. Варя никуда не отлучалась, на обед ходила вместе со всеми. Ночевали в Доме колхозника: женщины — в одной комнате, мужчины — в соседней. Спать Варя ложилась раньше всех. Только в последнее время стала бегать в кино и в театр и приходила, когда все спали, может, в час, а может, и в два.

Между тем Варя расписывала вазу, и узор у нее получался необыкновенный: букеты цветов вздымались кверху, как фонтаны, разживка разноцветным дождем разливалась по фону. Иван Егорович подходил сзади, смотрел, сомкнув уста, и не понимал, хорошо это или плохо. Но замечаний никаких не делал, а если и говорил, то говорил спокойно:

— Золотого цвета не убей, смотри.

— Ничего, Иван Егорович,— счастливо оглядывалась на него Варя.

— Наша Хохлома золотым да красным цветом живет. Потому она и пламенная. Смотри! — И проходил дальше.

А потом отправлялся к начальству и шумел, чтобы доставали олифу, поскольку каждому известно, что оксоль не держит золотого цвета.

Варя работала прилежно, иногда оставалась и после смены. Но когда прошел слух, что в артели набирают спортивную команду и лучшие физкультурники поедут в город Г. на областные соревнования, она заволновалась и стала бегать в спортивный зал.

Физкультурные упражнения плохо давались Варе. Тренировалась она редко, да и то потому, что насчет физкультуры было решение комсомольского собрания. И только после того, как ей стало известно, что команда поедет в город Г., она начала бегать в спортивный зал каждый день. Она падала с брусьев, кувыркалась с кобылы, спотыкалась даже на гладком полу и иногда ушибалась так, что видавший виды тренер гнал ее от снарядов и говорил:

— Гляди, черепная коробка треснет. Ну тебя к шутам!

А Колька, на потеху приятелям, пере-

дразнивал ее до того усердно, что вывихнул руку.

Но Варя, не обращая ни на что внимания, занималась с отчаянным, злым упрямством. И вдруг как-то сразу, в один день, все у нее стало получаться.

Она одинаково хорошо начала делать вольные движения и упражнения на снарядах. И тут все увидели, что она красива. Когда она входила в зал, конфузливо оглядываясь, снимала лыжные штаны и, оставшись в черном, туго натянутом на тело спортивном костюме, шла в угол натирать тапки мелом, парни украдкой следили за ней. В ней было красиво все: и стройная фигурка, разделенная надвое белым пояском, и длинные матовые, словно просвечивающие ноги, и даже продолговатый синячок на бедре. А когда она взлетала на брусья и делала стойку, тренер говорил:

— Ничего не попишешь, придется ее, наверное, брать заместо Николая.

Кроме того, Варя стала танцевать. Девчата, привыкшие к тому, что в клубе она подпирает стенки и держит чужие сумочки, с завистью отмечали, что ее все чаще и чаще приглашают на фокстроты и краковяки.

Обыкновенно она танцевала с Колькой. Он вальсировал, отвернувшись, словно ему было противно видеть Варю возле себя. Это был его стиль. Но, отвернувшись, говорил:

— Я, конечно, гулял с девчатами... Но это все не то... Все не то... А ты — совсем другое.

Варя не слушала его, о чем-то думала и иногда спрашивала:

— Ну как у меня, лучше получается?

Однажды она спросила:

— Почему ты не носишь галстука?

— А зачем? — удивился Колька.

— Я думаю, красивей...

И она покраснела.

В другой раз она спросила:

— Зачем ты куришь «Север»?

— А что?

— «Беломор», говорят, вкуснее...

И снова покраснела.

Зимой Варя уехала в составе спортивной делегации. Вернулись они через неделю. Варя приехала вместе со всеми, пришла на работу первая и села на свое место.

— А вазу пора кончать,— сказал ей Иван Егорович.— Больно долго возишься. Другие за такое время магазин расписывают.

— Пускай мне лучше ложки дадут,— сказала Варя.— Ну ее, вазу!

— Да ты что, очумела?

Иван Егорович внимательно посмотрел на нее. Она сидела, опустив голову, серенькая, бледная, и две косицы, прихваченные возле ушей бумазейными бантиками, свисали на шею дужками.

Пришлось идти к тренеру — узнавать, что случилось. Но тренер не смог объяснить ничего путного. В первый же день по приезде в Г. Варя куда-то умчалась и вернулась поздно какая-то чумовая, расстроенная и заплаканная. На соревнованиях она работала плохо, тащила вниз всю команду, и сколько с ней ни говорили, глядела вбок и твердила одно: «Хочу домой».

— Да...— сказал Иван Егорович и покачал головой.

На другой день Колька спросил Варю:

— На танцы пойдем?

— Не знаю,— сказала Варя и не пошла.

Еще через день Колька подошел снова, в галстуке, и задал тот же вопрос.

Варя посмотрела на него, сказала печально и медленно:

— А ну вас всех!..—

И склонилась над ложкой.

В цехе было тихо. Тетя Наталья разогнула натруженную спину, вздохнула: «Ох, батюшки, цветики ягодки!» И опять наступила рабочая тишина.

Колька постоял немного, подумал и пошел на свое место. Больше он к Варе не подходил: обиделся.

Через моря и океаны

Группа молодых переводчиков, состоящая из студентов и преподавателей 1-го Московского педагогического института иностранных языков, подготовила к VI Всемирному фестивалю молодежи сборник «117 поэтов мира». В него включены переводы произведений современной и классической зарубежной поэзии.

Ниже печатаются стихи из этого сборника.

Назарио **ПЬЕДРАБУЭНА**
(Аргентина)

Пашня

Ты лежишь, отдыхая, крестьянская пашня.
Ты пропитана потом, ты дождями умыта.
Ты полна до краев нашим рабством вчерашним.
Ты надежда, в тебе наше завтра сокрыто.

Ты волниста, как море, наша ясная нива.
Жизнь трепещет весельем в побегах упругих.
Ты щедра, словно мать, как невеста, красива,
Нежно пахарь к тебе протянул свои руки.

И маисом и хлопком увьем твое тело...
Чтоб гранаты и бомбы тебя не изрыли,
Чтобы пламя в просторах твоих не гудело,
Если надо, мы скрутим стервятникам крылья!

Пусть не взрыв, а цветок расцветает над лугом!
Пусть народы не бомбами пашут, а плугом!

Перевел с испанского
Павел **ГРУШКО**

Блас де **ОТЕРО**
(Испания)

Павшие наземь деревья

Павшие наземь деревья,
блесните на солнце опять
листвою
Шумливые вязы,
тополи-великаны, медлительные дубы,
оливы
в покое дня,
печальной, суровой отчизны деревья,
ступите
ногами корявыми в светлый ручей —
в спокойный источник свободы.

Перевел с испанского
Павел **ГРУШКО**

Ч. **ЧИМИД**
(Монголия)

Ветер

Когда безжалостно овеяв шар земной,
Мешая пыль с цветочным ароматом,
Могучий ветер движется волной,
Мысль появляется в душе неоднократно:

Тем ветром, что в морозы не замерз,
Тем ветром, что в жару не мог растаять,
И ласковым и жгущим нас до слез,
Надев узду, в грядущем гордо править.

Перевела с монгольского
В. КЛЮЕВА.

Гюнтер **КУНЕРТ**
(ГДР)

Солнце светит...

Солнце светит. И из окон
Нового дома смотрят женщины
На игры детей. В небе
Летит самолет, и на лица
Ложится тень:
Они вспоминают.

Перевел с немецкого
Андрей **СЕРГЕЕВ.**

Ленгстон **ХЬЮЗ**
(США)

Бог — голодному ребенку

Голодный ребенок,
Я сотворил этот мир для богатых,
Тебе не купить моих железных дорог.
Нет вкладов твоих в моем концерне.
Где твои акции «Стандард ойл»?

Я сотворил этот мир для богатых
И для тех, что богатыми станут,
И для тех, кто всегда ими были,
Но не для тебя,
Голодный ребенок.

* * *

Нежная леди с Юга,
Не надо бледнеть.
Они только что вздернули негра
В ночи, при луне.

Они только что вздернули негра
На опушке леса
В ночи, при луне,

Чтобы миру стало известно,
Как они берегут
Белых женщин своих.

Нежная леди с Юга,
Успокойтесь!
Все тихо!

Перевел с английского
Игорь **МОЖЕЙКО.**

Эти песни не убьешь!

Василий АРДАМАТСКИЙ

О том, что у молодежи есть свой боевой гимн, стало известно в 1949 году, на втором Всемирном фестивале.

Любопытна история гимна молодежи. В 1947 году поэт Л. Ошанин и композитор А. Новиков написали песню для первого Всемирного фестиваля молодежи в Праге. Советский молодежный хор разучил эту песню и исполнял ее на концертах Пражского фестиваля. В те дни авторы, конечно, и не думали, что их песня станет гимном.

Через два года в Будапешт съехалась молодежь на второй фестиваль. И выяснилось, что во многих делегациях распевают пражскую песню Новикова и Ошанина. Ее запел весь Будапештский фестиваль. Всемирной федерации демократической молодежи оставалось только объявить эту песню гимном демократической молодежи.

Такова счастливая судьба этой песни. Попробуем разобраться, в чем секрет ее поистине всемирного успеха. Этот вопрос я задавал делегатам на нескольких всемирных фестивалях. Меня давно волновала история гимна юности. Хотелось даже написать рассказ. Было придумано даже заглавие рассказа: «Ее ждали...» Рассказа не вышло. Слишком многое в этой истории было неуловимо. Ясно было одно: молодежь земного шара давно ждала песню о самом главном, что волновало ее. И такая песня прилетела к ней с Пражского фестиваля. Из разных стран песня вернулась в Будапешт с далеко не одинаковым текстом. Так, например, у французов был куплет о песне, которую ажаны хотят заточить в тюрьму, а она ломает решетки и белым голубем летает над Парижем. У итальянцев были строчки о борьбе партизан-гарибальдийцев против фашизма. Только после Будапештского фестиваля и решения объявить эту песню гимном ее текст на всех языках стал единым.

На фестивале в Берлине мне пришлось беседовать с парнем из Африки. Его звали Идисей Дафэ. Он был руководителем фестивального хора африканской молодежи. Заговорили мы с ним о гимне. И вот что он рассказал:

— В наши далекие края сперва прилетела мелодия. Без слов. Впрочем, не совсем без слов. Была известна одна фраза: «Эту песню не задушишь, не убьешь!». Кто к нам привез мелодию и эту фразу; как вообще узнали ее наши ребята, неизвестно. Но мелодия прижилась мгновенно. И тогда мы на эту мелодию придумали свои слова. Мы рассуждали так: какую песню нельзя убить? Ту, которую поют все. А какую песню захотят петь все люди земли? Только ту, в которой будет говориться о том, что всего дороже людям. Мы думали о своих людях. Так у нас родился первый куплет песни:

Черные, белые, желтые —
Все жаждут свободы,
Свободы и счастья.
Нельзя убить песню,
Если песня утоляет эту жажду...

А потом, — продолжал рассказывать Дафэ, — после Будапештского фестиваля, мы узнали подлинный текст песни. И знаете, что удивительно? Многое в нашем и подлинном тексте совпадало. Не в словах, конечно, а по смыслу. Теперь мы уже поем ваш текст...

...В Варшавском парке в дни фестиваля происходила посадка деревьев. Это стало и торжественным и веселым делом для всей разноплеменной молодежи, съехавшейся в Варшаву на свой праздник. Я провел там весь день, делая записи на пленку для московских радиопередач. Мне здорово повезло. Приходит на посадку деревьев мексиканский парень. Приходит в национальном наряде. На голове шляпа-сомбреро величиной с зонт. Жилетка вышита бисером. Брюки с кистями по шву. За плечом — гитара. Все сажали молодые серебристые ели. Это были довольно рослые деревья, приготовленные к посадке. Они стояли в больших корзинах с землей. Мексиканцу говорят: «ты один не справишься. Возьми в компанию парочку китайцев или французов». Последовал ответ: «ни за что! Буду работать один, чтобы все знали, что дерево от Мексики»...

Что можно было возразить этому парню? Мексиканец приступил к нелегкой работе. Часа два он возился со своей елью, но все же посадил ее как полагается. И вот тогда произошло неожиданное. Закончив посадку, мексиканец сорвал ленту со своей шляпы и повязал ее бантом на макушке ели. Затем он стал притаптывать землю у корневища своей елки, и вдруг это притаптывание перешло в танец вокруг дерева. Он сделал танцующей походкой один круг, начал второй, подхватил лежавшую на лугу гитару и под ее аккомпанемент сильным голосом запел очень красивую песню в мексиканском ритме. Со всех сторон к нему сбежалась молодежь. Подошел туда и я, включил магнитофон и записал песню на пленку. Кто в тот день слышал нашу радиопередачу из Варшавы, тот слышал и эту песню...

Только умолк мексиканец, как шагах в пятнадцати от него итальянцы, закончившие посадку своих деревьев, взялись за руки, повели вокруг деревьев хоровод и, как положено итальянцам, прекрасно запели. Молодежь от мексиканца побежала к итальянцам. Рванулся туда и мексиканец, но я его задержал. Песня на пленке, но мы ничего о ней не знаем. Произошла такая беседа:

— Как называется песня, которую вы сейчас пели?

— У нее нет названия, — мгновенно следует ответ.

— Тогда скажите, какие в ней слова.

— Я их забыл...

— Ну зачем вы нас обманываете? Вы же только что пели. Как вы могли вдруг забыть все слова?

— Вы не понимаете. Эта песня, может быть, вовсе и не песня. Я ее сам придумал, пока сажал дерево, а теперь она уже вылетела из моей головы...

И мексиканец легким жестом показал, как она улетела. Его признание только усилило нашу настойчивость. Мы узнали содержание песни, и действительно, это оказалась песня-импровизация.

— В общем, это очень простая песня, — неохотно рассказывал мексиканец. — Я сообщаю, что посадил в Варшаве мексиканское дерево дружбы, что такие же деревья дружбы посадили русские и итальянцы. А потом идет такой припев:

Эй, люди на всей земле,
Задумайтесь!
Если каждый из вас
Посадит только одно дерево,
Наш земной шар окутается
зеленью дружбы...

Естественно, что мы спросили мексиканца, не поэт ли он. Он рассмеялся:

— Нет. Я работаю батраком на табачной плантации...

Какой же сильной была жажда песни, которая откликалась бы на волнение сердца!

Во время подготовки к Московскому фестивалю многие наши поэты и композиторы сочиняли песни. Но среди них оказались такие песни, которые наш знакомый мексиканец петь бы не стал, потому что эти бездумные вещицы попросту не нашли бы доступа к его большому сердцу. Один поэт-песенник как-то пожаловался мне, что очень трудно написать фестивальную песню.

— Начать с того, — сказал он, — что, кроме слова «вдаль», нет хорошей рифмы на «фестиваль»...

Я рассказал ему о песне-импровизации мексиканца и высказал предположение, что, видимо, надо начинать не с поиска рифмы, а с поиска чего-то другого...

Поэт устало махнул рукой:

— Все остальное как раз гораздо проще: мир, дружба, долой атомную бомбу...

Было ясно, что у этого поэта фестивальная песня не получится. Он, может быть, и найдет в конце концов новую рифму на «фестиваль», но не найдет главного, ибо это главное для него «как раз гораздо проще»...

Трудно забыть один митинг молодежи в Варшаве. Он состоялся 5 августа 1955 года. На десять лет раньше произошло массовое убийство людей: в центре японского города Хиросимы взорвалась первая атомная бомба. Ее сбросили американцы. Митинг был посвящен этой черной дате. Он состоялся в Старом городе Варшавы. Во время войны этот священный для варшавян район был снесен с лица земли фашистами. Но участники митинга видели его уже воскрешенным и знали, что он поднят из руин точно в том же виде, как стоял до разрушения. Один этот подвиг варшавян мог бы стать бессмертной поэмой польской литературы. Но, увы, некоторые польские поэты слишком заняты спором: какой творческий метод лучше?.. Надо думать, что когда они наконец в споре этом выяснят истину, они тогда вспомнят о волшебстве рабочих рук, воскресивших Варшаву, и напишут

об этом. Может быть, кто-нибудь из них вспомнит тогда и об этом потрясающем митинге в Старом городе. То, что митинг, посвященный трагедии Хиросимы, происходил именно здесь, было исполнено волнующего смысла.

Вот снимок митинга, осененного плакатом, на котором изображено лицо мира, опаленное атомным взрывом. На сцене стоит интернациональный хор. Впереди — молодежь Японии. Только что выступил японский делегат Юкио Мотоясу. Он был в Хиросиме, когда взорвалась бомба. Ему было тогда 14 лет. Он все прекрасно помнит. Этого забыть нельзя. Многотысячный митинг так внимал его рассказу, что в паузах было слышно как ворковали голуби, усыпавшие карнизы домов. Потом пел хор. Исполнялась японская песня о Хиросиме — огромной силы воздействия на сердца людей песня. Такой ее могли создать люди, которые думали не о рифме или стройности каденции. Песня написана кровью сердца, одухотворена неугасимым пламенем человеческой души — не то реквием, не то замедленный марш. Впрочем, ритм песни все время ломался. Каждая мысль словно ищет свой единственный ритм. Содержание же песни предельно простое: Хиросима не должна повториться! Люди, остановите атомную бомбу! Это можно сделать! Человек сильнее бомбы!

Берлин. 1951 год. Немецкие юноши и девушки приветствуют делегацию корейской молодежи.

Песня спета. Ее мелодия отозвалась эхом над Варшавой. Взрыв оваций. Площадь рукоплещет долго, исступленно, и хор начинает песню второй раз. Теперь ее поет уже вся площадь.

После митинга я беседовал с Юкио Мотоясу. Зашла речь об этой песне. Он улыбнулся

— Да, это сильная песня. Но у нас есть еще песня, которая собирала подписи под обращением «Долой атомную войну!». Наши девушки ходили по домам и пели людям такую песню:

Откройте, это я стучу,
Стучу у каждого крыльца,
Невидима для ваших глаз:
Нельзя увидеть мертвеца.

Я в Хиросиме умерла,
Года прошли, года пройдут,
Мне было семь и нынче семь:
Ведь дети мертвые не растут.

Огонь мне волосы спалил,
Потом глаза заволокло,
И горстью пепла стала я,
И пепел ветром унесло.

Прошу вас, но не для себя
Не нужен мне ни хлеб, ни рис,
Не может даже сахар есть
Ребенок, что сгорел, как лист.

Поставьте подпись, я прошу,
Прошу вас, люди всей земли,
Чтоб не сжигал огонь детей,
Чтоб сахар есть они могли...

Вот что такое песня о самом главном!..

...1951 год. Берлин. Сцена построена на площади. Позади сцены — полуразбитое, опаленное войной, некогда красивое здание с колоннами — молчаливое, но внушительное напоминание о войне.

На сцену выходит группа негров из Африки. Возглавляет группу уже упомянутый мной выше Идисей Дафэ. Рослый, медлительный в движениях, одетый в потрепанный халат, он мудрыми и печальными глазами смотрит на затопивший площадь веселый океан молодежи. Постепенно устанавливается тишина. Дафэ показывает на разрушенное здание и говорит:

— Война не нужна!

Гром аплодисментов. Дафэ поднимает руку.

— Подождите... А как быть, если у нас в Африке войны нет, но нет и жизни?..

Негры выстраиваются гуськом и, присев на корточки, начинают ритмические движения, имитирующие работу на веслах. Каждое движение полно настоящего напряжения. Вздуваются могучие бицепсы, лица негров от проступившего пота блестят бронзовым отливом. Они гребут, гребут... Постепенно их движения становятся медленней, а позы выражают все большую усталость. Она переходит в полное изнеможение. Взмахи рук редкие, бессильные. И тогда на сцене рождается звук, похожий на сдавленный протяжный стон. Негры в унисон выпевают низкую басовую ноту. Этот звук словно приноравливается к замедленному ритму движений и становится песней. Площадь не знает слов, но я на тысячах лиц вижу боль, сочувствие, печаль... Вдруг все негры вскакивают, распрямляются и делают такие жесты, будто они побросали весла. Затем они становятся в воинственные позы. Один из них выкрикивает несколько быстрых, гневных фраз, после чего возникает новая песня — быстрая, остро ритмичная, зовущая. Снова негры выстраиваются цепочкой, поднимают над головой сжатые кулаки и, выкрикивая какое-то гортанное слово, покидают сцену...

Я пошел за сцену узнать, что означала эта песня. Негры сидели на ступенях разбитого здания. У них усталый вид, но в глазах еще горит порыв вдохновения Они окружают меня и, перебивая друг друга, рассказывают содержание своего выступления. Все оно построено на двух песнях.

Первая песня:

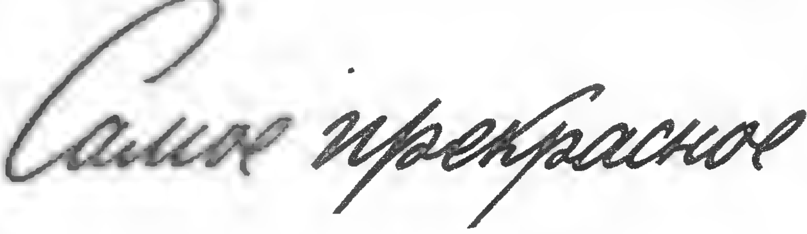
Река быстро бежит в океан,
А мы гоним тяжелую лодку
против течения.
Река быстро бежит в океан,
А мы глотаем бегущий
по лицам соленый пот.
Река быстро бежит в океан,
А нам никуда бежать нельзя:
Мы гоним против течения
лодку белого хозяина.
Мутная и злая река бежит
в океан,
Уносит наши силы, нашу жизнь.
Бросить бы лодку и лечь
на берегу,
Но придет белый хозяин
с тяжелой палкой.
Голод и страх — змеи,
сосущие нашу кровь.
Нет больше сил, и глаза
ничего не видят.

Вторая песня:

Бросайте весла! Бросайте весла!
Берите копья! Берите копья!
Лучше умереть с копьями!
Нас много, и каждый —
это острое копье!

Вот уж поистине права вьетнамская поговорка, утверждающая, что песня — это поющая душа человека.

Сколько новых песен на разных языках мира услышим мы на Московском фестивале! Эти песни помогут нам познать душу молодого человека земли, вставшего на защиту мира.

Эмиль ЗАТОПЕК

VI Всемирный фестиваль, которого с таким нетерпением ждет молодежь всего мира, уже начинается. Я был участником всех предшествовавших фестивалей и очень рад, что и в этом году буду членом нашей спортивной делегации в Москве. В 35 лет нельзя считать себя молодым на этой замечательной встрече, но кто же захочет утверждать, что горячая дружба участников может быть ограничена возрастом?

Когда в 1951 году в Берлине, восхищаясь украшением города к фестивалю, я спросил одного молодого человека: «Как все это нравится пожилым людям, которые такого еще никогда не видали?»,— он ответил: «Как нравится? Ведь это также и их работа! Они украсили Берлин, чтоб хотя бы так принять участие в нашей манифестации».

В предыдущих фестивалях на меня произвели огромное впечатление всеобщая радость взаимопонимания и дружбы между всеми делегатами. Вы встречаетесь с людьми, которые говорят на разных языках, у них, вероятно, разные вкусы и взгляды, но очень скоро становится ясно, что они совершенно солидарны в своей любви к жизни. Если вы стремитесь учиться, работать, повышать культурный уровень и спортивное мастерство, то ваше стремление еще более укрепится, когда вы узнаете, что того же самого хотят молодые люди Англии, Индии, Аргентины и других стран.

Я вспоминаю свое знакомство с австралийцем Дейвом Стивенсом на фестивале в Румынии. Мы уже до этого переписывались.

В Бухаресте мы встретились и тотчас же сдружились. Он рассказывал, что шесть недель плыл на пароходе, но, несмотря на это, радуется тому, что примет участие в беге на 5 000 метров. Он, конечно, и не предполагал, какую трудную избрал дистанцию. И я был поражен, когда со старта рванулся Владимир Куц и сразу же ушел на 30 метров. Мне единственному удалось настичь его на третьем километре. Но, увидев меня рядом, Куц снова ушел вперед. Затем меня догнал венгр Ковач, и мы вместе пошли за Куцем. Лишь на последнем повороте мы все втроем оказались рядом, но мне улыбнулось счастье, и я пришел к финишу первым.

Только тогда я вспомнил о Стивенсе. Он отстал на полкруга. Но неудача не огорчила его. Наоборот, он сказал, что, отдохнув, попытается побить австралийский рекорд. И действительно, спустя несколько дней он добился этого.

На следующий день он засыпал нас вопросами, как тренироваться. Все мы давали ему советы.

Прекрасный Бухарестский фестиваль окончился. Мы разъехались по домам и лишь вспоминаем друг о друге. Прошел год, и однажды я прочел в газете, что Стивенс побил мировой рекорд на 6 английских миль.

Кстати, он побил мой мировой рекорд. Не правда ли, это великолепно — дать совет противнику и помочь ему достигнуть большего, чем достиг ты сам?

Возможно, что кое-где в спорте и существует нездоровое соперничество, но этого никогда не бывает на фестивалях молодежи. Здесь, наоборот, естественными являются дружба и взаимопомощь, и в этом я вижу самое прекрасное.

ЛУЧШАЯ ПРОФЕССИЯ

Рассказ

Эмиль ОФИН

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Еще в школе на обложках моих учебников красовались нарисованные чернилами «Москвичи» и «Победы», а однажды я даже вырезал «ЗИМ» на крышке парты, за которой мы сидели вместе с Леной Калашниковой. И не удивительно, что в конце концов я стал шофером, потому что лучше этой профессии нет ничего на свете.

Как хорошо вести машину, когда навстречу летит степная дорога, освещенная солнцем или чистыми звездами! В кабине не страшна любая непогода. Дождь? Ловкие щеточки-дворники очистят стекло. Мороз? Откроешь люк водяного отопления — и, пожалуйста, тепло, как в комнате. Но самое главное,— не существует расстояний: прижмешь ногой «газок» — и замелькают километры... Нет, не сравню я свою специальность ни с какой другой! Мне даже как-то жаль немножко тех, кто не знает, что такое самому управлять автомобилем.

Вот, например, наш комсорг Федя Сухарев — отличный токарь. И я и Надя Перцова давно могли бы научить его водить машину, а он все свободное время возится с коротковолновым приемником собственной конструкции — наматывает какие-то катушки, перепаивает провода. И когда ему удается познакомиться в эфире с таким же чудаком с Кавказа или с Курильских островов, Федя задирает свой веснушчатый нос так, словно добился невесть чего.

Вот Надя Перцова — у нее права второго класса — замечательный водитель. Кажется, чего еще? Так нет, подала заявление в заочный автодорожный институт. Она тоже считает, что профессия у нас замечательная, и всегда спорит с Сухаревым.

Вообще этой осенью многие ребята из нашей автоколонны поступили в автодорожный институт. Я-то не стал бы поступать, если бы не Лена.

Она сказала однажды:

— Напрасно ты, Олешек, кичишься своими достижениями! Человек не должен стоять на месте.

Я даже обиделся: это я-то стою на месте? Смешно слушать такие слова, когда ты можешь свободно наматывать по триста километров в день!

А Лена сказала мне эти несправедливые слова, поставила передо мной котлеты, а сама ушла в школу: там собрались наши ребята,— она обещала им помочь подготовиться к вступительным экзаменам.

У меня сразу пропал аппетит,— так бывает всегда, когда мы ссоримся с Леной. Я поковырял вилкой в котлетах и в конце концов отправился вслед за ней.

Странно, но с этого и началось: после трехлетнего перерыва я, один из лучших водителей сборной комсомольской автоколонны, снова сел за учебники вместе с Жорой Корягиным и «Крошкой» Кириллом.

Занимались мы в помещении школы. Кириллу из-за его роста за парту было не влезть, и Лена разрешила ему сидеть на табурете. Сама она стояла у классной доски и держалась так, словно мы были ее малышами из первого «А».

Лена «освежала» в нашей памяти русский и математику, а физику и химию «освежали» Таня и Маня, потому что они учились уже на третьем курсе заочного института.

Пришло время сдавать экзамены. Механик автоколонны Антон Петрович поручил мне везти ребят в Кустанайский институт. Четыреста километров до Кустаная я покрыл меньше чем за семь часов, и мой мотор ни разу «не чихнул». Даже ядовитый Жора Корягин сказал без всякой издевки: «Ты настоящий капитан, Олешка!» Вот что значит квалифицированный шофер и отличная машина!

Так мы стали студентами-заочниками...

В школьные годы я еще плохо разбирался в технике, поэтому задерживался на улице только возле красивых легковых машин, зато потом убедился: грузовик — вот настоящая машина! И в самом деле, разве можно сравнить какую-то полированную легковушку с многотонным трехосным буйволом, ну хотя бы таким, как мой автомобиль? Да на нем, особенно если с прицепом, можно сразу увезти половину разборного стандартного дома. Когда на станцию «Степная-Рудная» пришел первый эшелон с этими домами для нашего города, я сделал три рейса и перебросил полтора дома на расстояние семьдесят километров. Даже Таня с Маней — подумать только, ведь девчонки, им вдвоем и запасного колеса не поднять! — а тоже перевезли на своей машине целый дом. Вот что значит грузовик!

Впоследствии из этих домов получилась у нас целая улица — прямая и по ширине не меньше, чем Невский проспект. Жаль только, что пока еще не удалось посадить деревья. Но мы расчистили нашу улицу, выровняли бульдозерами, укатали, а к домам приколотили дощечки с номерами. И хотя единственную улицу в городе совсем нетрудно найти, мы все же решили дать ей название.

Ленинградцы хотели назвать ее Невским проспектом, киевляне — Крещатиком, а одесситы во главе с Жорой Корягиным требовали: Дерибасовской! Каждый вечер мы спорили, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы, так сказать, не вмешательство сверху.

Мы разгружали машины на краю котлована и неожиданно услышали раскатистый гул мотора. Задрав головы, мы принялись следить за самолетом. Наверняка он пролетит мимо или, в крайнем случае, приземлится на Заозерном солончаке, за восемь километров от нас: ближе нет места для посадки.

Но самолет сделал круг, второй, скрылся за курганом и вдруг появился с выпущенным шасси над самыми домами! Разрезав крылом на две половины заходящее солнце, он пронесся впритирку между буровой вышкой и стрелой подъемного крана, поднял за собой желтый хвост пыли и остановился в нескольких метрах от обрыва, которым кончалась наша улица.

— Вот это водитель! — опомнившись, заорал Жора и первым побежал к самолету.

Летчик оказался маленького роста коренастым человеком в унтах. У него было скуластое коричневое лицо и веселые раскосые глаза. А когда он снял шлем, мы увидели густые, гладко зачесанные назад черные волосы.

— Ну спасибо, молодежь! — сказал он.— Отличная посадочная дорожка.— И крикнул кому-то в самолет: — Занеси на карту, Коля!

Следом за летчиком вышел секретарь обкома Семен Семенович. Он задержался на лесенке, пожмурился на заходящее солнце и помахал нам рукой.

Многие из нас знали Семена Семеновича еще с тех пор, когда Федя Сухарев и я придумали переоборудовать грузовики нашей автоколонны на полуприцепы. Без разрешения министерства этого делать было нельзя, но время не ждало: подоспел урожай,— и Семен Семенович взял все на себя. Мы тогда в короткий срок вывезли зерно к железной дороге... А еще выяснилось, что Семен Семенович такой же болельщик-коротковолновик, как наш Федя, и на этой почве они подружились, да так, что частенько переговаривались по ночам друг с другом. А однажды Семен Семенович приехал к нам — сам за рулем. Это в осеннее-то время, по здешним дорогам! Наши шоферы это здорово оценили. Словом, мы хорошо знали Семена Семеновича.

Он тоже похвалил нашу улицу, а когда мы сказали, что подбираем ей название, подумал немножко и сказал:

— Назвать улицу надо так, чтобы никому не было обидно. Кстати, хочу напомнить вам историю возникновения этого города. Однажды летчик Сургутанов, когда пролетал над этим вот курганом, заметил, что стрелка его компаса потеряла север и вообще начала метаться и нервничать. Сургутанов пошел в Кустанае к геологам и показал им на крупномасштабной карте, где находится этот курган. Так были обнаружены крупнейшие в мире магнетитовые месторождения. Мне думается, справедливо будет назвать первую улицу в новом городе по имени его первооткрывателя. Ведь наша страна получила ценнейшее сырье — магнитный железняк... И это благодаря сообразительности и наблюдательности товарища Сургутанова...

Тут Семен Семенович оглянулся на летчика. Тот стоял как вкопанный. А когда мы дружно закричали «ура», летчик неловко, как медведь, потоптался на месте, сложил руки на груди и низко поклонился.

— Спасибо!..— сказал он.

И я удивился, как может дрожать голос у человека, который только что так бесстрашно посадил самолет...

Кажется, именно с того дня я начал думать, что, кроме моей, шоферской, есть еще некоторые другие хорошие профессии.

Мне понравилось заниматься в автодорожном институте, я и сам не заметил, как это случилось. Оказывается, есть дорожные машины-комбайны, похожие на типографскую ротацию. Только в ротацию с одной стороны закладывается рулон бумаги, а с другой — выходят готовые газеты; а в бункер дорожного комбайна засыпается асфальт, комбайн движется вперед, и за ним остается ровное красивое шоссе — укатывай его и поезжай. Ну, разве это не здорово?!

Ребята увлеклись не на шутку. После работы мы собирались то у Кирилла Фомина, то у Нади Перцовой и вместе готовили задания. Мы очень подружились за это время...

За четыре дня до сессии мы собрались у Нади.

— Подумать только,— удивлялся Кирилл,— как мы раньше могли обходиться без этих занятий? Просто не верится.

А Жора Корягин тихо сказал:

— Знаете, капитаны, после школы я ведь не собирался учиться дальше, но все подавали в институты, и я подал. Я даже не подумал, что это был институт рыбной промышленности. Хорошо, что я провалился: ну какой из Жоры Корягина рыбник? Да меня тошнит от рыбы, если хотите знать. Другое дело — автодорожная техника, в ней я действительно как рыба в воде! — Тут Жора посмотрел на меня и ударил себя кулаком в грудь.— Ты, Олешка, обскакал меня на вывозке электромоторов, но, клянусь, на сессии я заберу все пятерки!..

— Опять ты, Жора, расхвастался! — воскликнула Надя.— А ну-ка, скажи лучше, как производится расчет наклона дорожных покрытий на виражах?

А Жора — нет, каков! — спокойно взял логарифмическую линейку и тут же сделал два варианта расчетов — мы только рты раскрыли.

В это время в комнату зашел Федя Сухарев. Он посмотрел, как Жора орудует логарифмической линейкой, и сказал:

— Ого, видно, ты занимаешься по строгому плану! — Его близорукие глаза с уважением уставились на Жору.

А Жора напыжился, как индюк, и покровительственно заявил:

— Конечно, уважаемый. Это тебе не какой-нибудь любительский радиоприемник, а настоящая техника!

Федя пропустил мимо ушей эту шпильку, только пожал плечами. Потом объявил монотонным голосом, словно читал вслух стенгазету:

— На станцию пришла большая партия шахтного оборудования: рельсы, крепеж, вагонетки. Кроме того, прибыл эшелон удобрений для совхоза «Дружба». Мы должны справиться со своими перевозками и помочь совхозу, хотя это и не предусмотрено нашим планом.

— Вот тебе и раз! — крикнул Кирилл.— Тут работы на целую неделю, а у нас через четыре дня сессия!

А Жора добавил:

— Мы имеем право на время сдачи зачетов получить отпуск.

— Знаю,— продолжал Федя,— но грузы лежат под открытым небом. Если начнется снегопад, ценное оборудование проржавеет, а удобрения вовсе пропадут: намокнут и смерзнутся.— Он поглядел на наши расстроенные лица и добавил: — Думаю, управимся за три дня, потому что автоколонна будет работать с полной нагрузкой. И наш начальник, Алексей Иванович, и механик Антон Петрович — все сядут на машины. Только что я говорил с Леной Калашниковой. Она согласилась прекратить на три дня уроки в школе и поработать шофером. Молодец, Олег, что научил жену водить автомобиль!

— А если нам не добраться за один день до Кустаная? Что же, нас вышибут из института? — не унимался Жора.

Тут уж меня взорвало:

— Как это не доберемся? В прошлый раз я привез вас меньше чем за семь часов!

На этом спор кончился. Мы надели полушубки и пошли к машинам.

Зима в этом году была ранняя: уже в начале октября завернули морозы. Настоящий снег еще не выпал, и степь лежала, словно припудренная; одиноко темнели лысые головы курганов. Смерзшаяся земля хрустела под колесами, автомобиль шел легко, а впереди, не подпуская машину, мчалась луна, окруженная кольцом морозного тумана.

Работали все как черти. Особенно старались те, кому надо было сдавать зачеты. Но когда автоколонна пошла в глубокий рейд — на двести километров, до совхоза «Дружба», я забыл и о зачетах и об институте: так захватило меня движение.

Пятьдесят машин — пять тысяч лошадиных сил, триста тонн груза! И все это, растянувшись бесконечной черной цепью, летит по белой степи со скоростью семьдесят километров в час.

Но вот в белесой мгле замерцали огоньки совхоза «Дружба», и тогда вдруг никто не захотел быть последним. Только в нашей просторной степи можно увидеть пятьдесят машин, идущих сплошным фронтом! Ночь отступила перед светом фар, все звуки потонули в реве моторов: каждый выжимал все, что могла дать машина.

Слева от меня шел грузовик Жоры Корягина — я узнал его по номеру на дверке. Он держался со мной радиатор в радиатор, будто припаянный неведомой перемычкой. Казалось, мы оба стоим на месте. Потом радиатор моей машины выдвинулся на самую малость, будто мой «буйвол» наклонил голову и рванулся к далеким огонькам. Поползла назад Жорина кабина, за ней я увидел шеренгу грузовиков. Мы летели по степи, как журавли по небу, и во главе косяка был мой автомобиль...

Этим рейсом закончился наш знаменитый трехдневный аврал по вывозке грузов. Я говорю «знаменитый», потому что так написали о нем в «Комсомольской правде» и в числе лучших водителей упомянули и мою фамилию.

Но все это было впоследствии, а в тот вечер мы возвращались из совхоза «Дружба» порядком встревоженные: сильно потеплело, звезды исчезли, ветер стал плотным, порывистым, и в лучах фар мелькали крупные пушистые снежинки. Последние километры до нашего города мы уже преодолевали с трудом: машины натужно выли и увязали в рыхлом снегу.

Утром мне едва удалось открыть входную дверь, потому что снега навалило выше крыльца. И хотя пурга уже потухла, облака спускались к самой антенне на крыше Фединого домика, и снег все падал и падал.

Мы, одиннадцать студентов, собрались у Кирилла Фомина. Все долго и уныло молчали.

— Завтра ровно в девять утра начнется сессия,— ни к кому не обращаясь, тихо сказала Галя Стасюк. А Жора Корягин спросил меня сердито:

— Что вы теперь скажете, уважаемый Олег Васильевич? Или, может быть, метровый слой снега — не препятствие для вашей замечательной машины? Черт! Где же этот очкастый бюрократ? Хоть бы попробовал связаться по своему дурацкому приемнику с институтом, объяснить положение. Нас же вышвырнут!

— Глупости! — заявила Надя Перцова.— Что же там, не понимают, что по такому снегу нам не добраться?

Поднялся спор. Мы, вероятно, здорово бы переругались, если бы в это время не пришла Лена.

Ее щеки горели от мороза, а глаза сердито блестели.

— Хороши! — не успев переступить порог, воскликнула она.— Сидите здесь и решаете мировые проблемы, а малыши сегодня едва пробились в школу. Счастье еще, что у нас есть Федя Сухарев, который заботится о порядке. Отправляйтесь сейчас же помогать ему расчищать улицу!

Надя пробормотала свое «Как не стыдно!», и мы вышли на крыльцо.

Одинокий трактор ползал с угольником на буксире; Федя в своих круглых очках выглядел на высоком сиденье трактора, как сова на ветке.

— Идите в гараж,— сказал он своим нудным голосом,— берите снегоуборочные машины. Расчистка улицы — плановое мероприятие.

— Чтоб ты провалился со своими мероприятиями! — огрызнулся Жора.

Но делать было нечего, и мы пошли за снегоуборочными машинами.

К часу дня расчистка была полностью закончена. Мы со злости содрали снег до самой земли и сгребли его в конец улицы, где еще недавно был котлован, а теперь возвышалась глухая стена электростанции.

Работу мы закончили, и нами опять овладело уныние.

«Крошка» Кирилл оглядел белую пустыню,

начинавшуюся сразу за домами, и неуверенно предложил:

— Может, мы сдадим зачеты Лене Калашниковой, заверим какой-нибудь печатью и пошлем в институт?

Жора скривил губы.

— Только в вашу лошадиную голову, уважаемый Кирилл Афанасьевич, могла прийти такая объемная по идиотизму мысль.— Он нетерпеливо огляделся.— Пусть Сухарев все-таки попробует связаться с институтом.

— Федя больше часа как ушел,— вздохнула Галя Стасюк.— Он все смотрел на часы и куда-то спешил.

— Ах, спешил? — иронически переспросил Жора.— Ну, конечно, у него по плану очередное мероприятие.— И он стал ругаться, но мы недослышали, потому что последние слова Жоры покрыл гул мотора.

Мы разом подняли головы, но не увидели ничего, кроме бегущих облаков. А гул не смолкал — он то удалялся, то опять нарастал так, что дрожали стекла в окнах школы, на крыльце которой мы стояли. Это продолжалось несколько долгих минут, а потом гул перешел в рев, и вдруг из-за рваного облака, над самой радиомачтой Фединого домишки, вынырнул самолет. Шквал снежной пыли ударил мне в лицо. А когда я протер глаза, самолет уже стоял — ну честное слово! — не дальше, чем в пяти метрах от стены электростанции, и в раскрытой дверке переминался с ноги на ногу летчик Сургутанов, похожий в своих меховых унтах на маленького медведя.

Мы засыпали его вопросами. Но он только сказал, что прислал его за нами Семен Семенович. Потом, с беспокойством поглядев на небо, летчик велел нам живее собираться, так как в любой момент может опять налететь пурга.

Через несколько минут мы со своими книжками и тетрадками были уже в воздухе; под ногами вздрагивал тонкий стальной пол, а за окнами стремительно неслась мутная мгла. Дверь пилотской кабины была раскрыта, и мы видели, как Сургутанов и его штурман Коля управляют самолетом.

В машине было тепло и уютно. На переборке под альтиметром висели радионаушники, в них совсем по-домашнему булькала какая-то музыка.

А потом Сургутанов вышел к нам и закурил коротенькую трубку.

— Как же вы угодили прямо на нашу улицу? — почтительно спросил его Жора Корягин.

— Так ведь это моя улица,— улыбаясь раскосыми глазами, ответил летчик.— Хорош бы я был, если б не нашел своей улицы! — Но тут же он перестал улыбаться и очень серьезно сказал: — При такой облачности да еще в окружении домов и буровых вышек я никогда не смог бы посадить машину, если бы не ваш Федор Сухарев: его приемник вел меня от самого Кустаная своими сигналами, как радиомаяк, и с точностью вывел на мою улицу.

Внезапно мгла за окнами поредела и улетучилась. В самолет заглянуло солнце. Стрелка альтиметра показывала высоту три тысячи метров. Вокруг было чистое голубое небо, а внизу клубились и кипели волны облаков.

Где-то там, глубоко под нами, в занесенном снегом степном городке, в доме номер один по улице Сургутанова сидит у самодельного радиоприемника Федя Сухарев, и зеленый глазок контрольной лампочки отражается в его круглых очках...

И вдруг, словно в ответ на мои мысли, в наушниках раздался какой-то хрип и защелкали точки-тире. А потом мы услышали знакомый голос:

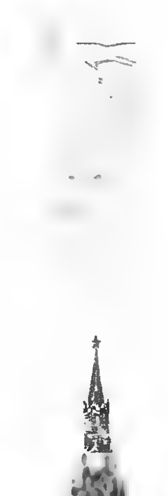
— Я — СР-1, СР-1, Степной-Рудный. Счастливого пути. Желаю успеха, сдавайте зачеты строго по плану, чтобы без троек...

Мне здорово хотелось в этот момент крепко пожать Федину руку. Но Феди не было в самолете,— ему ведь не нужно сдавать зачеты в автодорожный институт. Федя хочет с осени учиться на радиоинженера.

По его мнению, это самая лучшая профессия.

На дружбу!

Николай **КРИВАНЧИКОВ**

Помнишь, как мы считали дни
До веселой поры, когда
Над Цимлою зажжет огни,
На турбинах кипя, вода!

Помнишь, как над Москвой
рассвет
Говорил, обращаясь к нам:
Ближе стал университет
К облакам и учебным дням!

Помнишь, как, на восток идя,
Там, не меренную в длину,
Юность мерила степь, будя
Крепко спавшую целину!

Закаляли нас все огни,
В наших песнях — мечта и сталь...
Мы сердцами считали дни,
Приближавшие фестиваль.

Чтоб военных машин рули
Людям смерть не смогли везти,
Честной юности всей земли
С миром надо связать пути.

Мы друг друга должны понять,
Не желая друг другу зла,
Чтобы наша дружба под стать
Самым добрым хлебам росла.

Знать, природа в этом году
Цвесть для дружбы желала
здесь, —
Гроз июльских свистящий блеск
В доказательство приведу.

Превратился облачный вал
В голубиное колесо,
Словно это разрисовал
Высь московскую
Пикассо.

Скажет сердце сердцу слова,
В каждом взгляде —
гостям привет!
Молодеет сама Москва
На семьсот девяносто лет!

Мир храним трудом и штыком.
Дверь любую открой, войди —
И увидишь в доме любом
Правду ленинского пути.

Мира, счастья твоей судьбе
И твоей стране на века!
Вот, мой гость, на дружбу тебе
И мои стихи и рука!

ЖИЗНЬ ШАХМАТИСТА

Привлекательность книги[1] А. Котова «Записки шахматиста» в том, что независимо от того, являетесь ли вы шахматистом высокого класса, или еле-еле бредете по шахматной доске, или вовсе не играете в шахматы, все равно книга эта прочтется вами с интересом от начала до конца. В своем предисловии автор со счастливой непосредственностью пишет: «Захотелось поделиться с молодым читателем радостями творчества, огорчениями неудач, рассказать о большой любви народа нашей страны к служителям шахматного искусства».

Так именно и написана книга. Автор в теплой, задушевной манере рассказывает о своей жизни, о приобщении к шахматному искусству, о встречах с великими и малыми мастерами этого благородного соревнования ума и логики, о поездках в дальние и ближние края, обо всем, что автор видел, слышал, чувствовал и переживал.

С детских лет полюбились шахматы А. Котову. До сотни партий в день приходилось играть 14-летнему мальчишке со своими партнерами — такими же задорными тульскими ребятами, как он сам. «Противники располагались в самых различных позах: кто на бревнах, кто на скамейке, кто на земле... Играли азартно, а исход встречи иногда решался и потасовкой».

Играли не только в свободное время, но и в школе. Суровый учитель естествознания поймал однажды неистовых игроков с поличным: они играли на уроке. «Что теперь будет с нами? Что он сделает? С позором выгонит из класса, а может быть, даже отправит к директору, тот вызовет родителей — не миновать беды!» Но все произошло иначе. «Чей ход?» — спросил учитель. «Белых»,— прошептал, наконец, мой сосед, оказавшийся более храбрым. «Тогда здесь мат в три хода»,— спокойно сказал учитель и ушел к доске». Учитель оказался отменным любителем шахмат. «С тех пор на уроках мы в шахматы больше не играли»,— замечает автор.

Автор не только шахматист, но и видный инженер-конструктор. Шахматы научили Котова логике мышления, это очень пригодилось ему в конструкторской работе. Во время Отечественной войны шахматы пришлось отставить в сторону и заняться делом, нужным для обороны. Глава, посвященная описанию этой деятельности автора, кончается так: «...летом 1945 года мы, конструкторы, вместе с представителями трудящихся столицы стоим на трибунах около Мавзолея на Красной площади. Мимо нас в рядах победивших советских войск вместе с другими машинами проезжает и наша. Гордые, мы смотрим друг на друга, и у кого-то из нас невольно вырываются знакомые слова. Только в них теперь звучат не удивление и разочарование, а гордость и радость: «Вот какая она вышла!»

Но шахматы оставались в центре душевных стремлений советского мастера. Как только окончилась война, снова возобновились шахматные сражения и в Москве — шахматной столице мира — и в городах Европы и Америки. В книге Котова проходят картины жизни, увиденной за рубежом, написанные просто, безыскусственно, с подкупающей правдивостью.

Точные, исчерпывающие характеристики крупнейших деятелей шахматного мира делают книгу интересной для всех, кто следит за развитием шахматного искусства. Советские мастера которые так далеко вперед двинули шахматы и создали собственную великолепную шахматную школу,— ближайшие друзья автора. Он посвятил им немало теплых строк. Как живые, предстают перед читателем сдержанный, корректный Ботвинник; яростный боец шахматного поля Смыслов, который поет песни до матча и после матча; стремительный молодой Петросян — гроза турниров; великий знаток шахматной теории Тартаковер и многие, многие другие. Да и сам гроссмейстер Котов отчетливо виден в своей книге: тонкий игрок, «убийца чемпионов», «Робин Гуд», как именовали его на международных турнирах, и вместе с тем наблюдательный путешественник, умеющий рассказать обо всем виденном с чуть иронической и умной улыбкой.

Посланцами мира называли за границей наших шахматистов. В самом деле, лучше сражаться за шахматными столиками, тренируя свое искусство, испытывая силу своей мысли и логики, чем на полях настоящей войны. Мирные люди Советской страны, наши шахматисты испытывали на себе любовь простых людей везде, где им удалось побывать.

Н. **КРУЖКОВ**

[1] А. Котов. Записки шахматиста. Изд-во «Молодая гвардия». 1957. 334 стр.

Фестивальный марш

Ни гроза, ни бури, ни туманы
Моего пути не преградят,
Потому что даже в дальних странах
У меня есть верный друг и брат.
Пусть друзья разбросаны по свету,
Пусть друзей не видим мы подчас,
Мы живем на всех концах планеты,
Но планета общая у нас!

Припев:

Что дружбы может быть чудесней?!
И если в жизнь придет беда,
Друзей своих призывной песней
На помощь позови тогда.

Мы по жизни разными путями,
Разными дорогами идем,
Все мы люди с разными мечтами,
Но сейчас мечтаем об одном:
Мы хотим, чтоб молодости сила
Поднялась за мир для всей земли,
Чтобы дружба нас навек сплотила,
По каким путям бы мы ни шли.

Припев.

А сегодня, в день великой встречи,
Собрались мы вместе наконец —
Люди разных наций и наречий,
Но с одним биением сердец.
Никаких особых слов не нужно,
Чтобы чувства лучшие понять,
И простым, коротким словом «дружба»
Праздник мира можно начинать.

Припев.

Этой песней откроется Международный студенческий клуб.

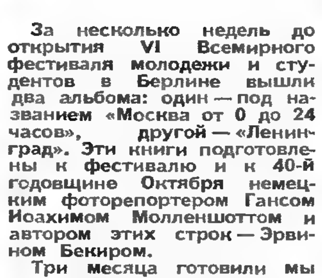

Как мы фотографировали МОСКВУ и ЛЕНИНГРАД

Э. БЕКИР

Фото автора и И. Молленшотта.

За несколько недель до открытия VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине вышли два альбома: один — под названием «Москва от 0 до 24 часов», другой — «Ленинград». Эти книги подготовлены к фестивалю и к 40-й годовщине Октября немецким фоторепортером Гансом Иоахимом Молленшоттом и автором этих строк — Эрвином Бекиром.

Три месяца готовили мы эти альбомы с помощью и при содействии многих жителей Москвы и Ленинграда. Такого сотрудничества требовала тематика наших книг, и теперь, когда работа уже позади, я хочу откровенно признаться, что перед отъездом в СССР, в Берлине, мы с некоторой тревогой думали о том, пойдут ли москвичи и ленинградцы нам навстречу.

Мы имели в виду ведь не просто показать Кремль, метро, Эрмитаж, Третьяковскую галерею, «Аврору», Невский проспект и Красную площадь, показать московские высотные дома, стадионы имени Кирова в Ленинграде и имени Ленина в Москве,— нам хотелось, чтобы, перелистывая альбом, читатель посмотрел на эти города глазами их жителей. Мы сознавали, что осуществить эту задачу будет нелегко: обе книги должны выйти на четырех языках, а запросы и вкусы у английских, французских, советских и немецких читателей не одинаковы.

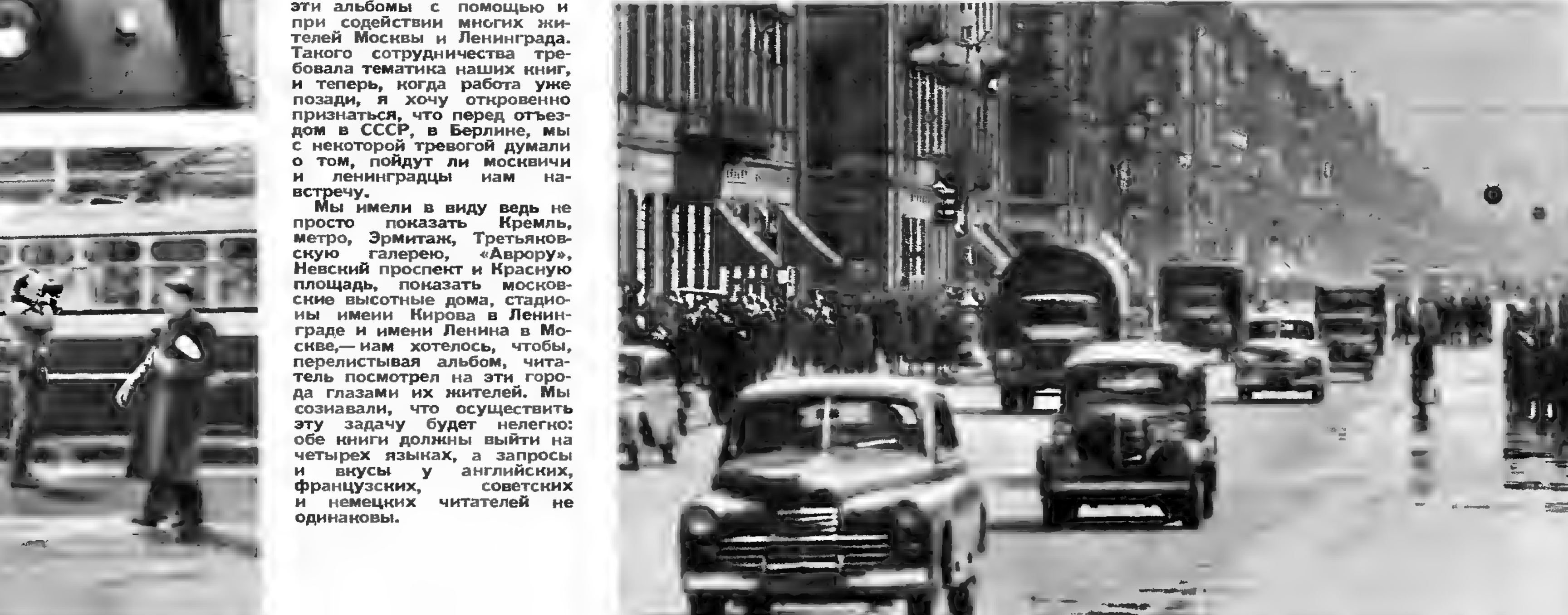
И вот настал день, когда мы сидели днем в несколько растрепанных чувствах на Красной площади и выслеживали свою первую «жертву».

Мы решили сфотографировать двенадцать типичных жителей Москвы, выхватив их незаметно объективом из людской массы на улицах, в метро, в магазинах, на спортивных площадках, на работе, в театре и т. д. И лишь после того, как эти люди будут запечатлены на пленку, мы намеревались заговорить с ними, попросить их разрешения, следуя за ними на почтительном расстоянии, наблюдать их жизнь в ближайшие двадцать четыре часа. И сейчас я рад сказать, что если москвичи нас и разочаровали, то только самым приятным образом. Почти все сфотографированные нами люди, после того как им разъяснили цель нашего к ним обращения, согласились пойти нам навстречу.

И вот благодаря этой предупредительности мы шесть недель находились в самой гуще жизни двух огромных городов. Мы оказывались в таких местах, куда туристы очень редко заглядывают. Побывали мы, скажем, в косметическом салоне, на бегах и скачках, на птичьем базаре, в зоопарке, и так как наши «объекты съемки» в уделенные для нас сутки все же не могли манкировать своей работой, то пришлось побывать и в родильном доме, где мы засняли самых юных, безусловно, самых юных, москвичей. Бродили мы и по строительным площадкам, а с одним довольно безобидным на вид москвичом, которого мы встретили в метро, нам пришлось потом всю ночь, до пяти часов утра, разъезжать по улицам и площадям Москвы в кабине поливальной машины...

Мои соотечественники — и среди них те, что уже бывали в Москве и Ленинграде,— говорят, что в этих двух книгах можно не только увидеть оба города, но и познакомиться с их жителями. И это обязывает нас выразить многократную благодарность москвичам и ленинградцам, потому что без них выполнить нашу работу мы бы не смогли.

Молленшотт впервые обозревает Красную площадь в Москве. Удастся ли сделать альбом об этом городе таким, каким мы его замыслили?

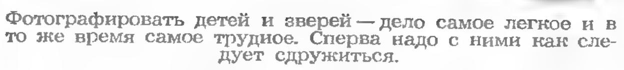
Чтобы сделать такой снимок на Невском, пришлось, конечно, с разрешения милиции, нарушить правила уличного движения.

Мы убедились, что в Москве и Ленинграде народ страстно любит спорт. Дождь болельщикам нипочем. А что касается игроков, то по их адресу можно было лишь воскликнуть. «Вот это здорово!» Судите сами, заслуживает ли такого же одобрения и фоторепортер, который запечатлел на пленке этих болельщиков.

Иногда приходилось и поспорить, потому что настоящее доверие не всегда устанавливается сразу. Но откровенный разговор только укреплял доверие и дружбу

Фотографировать детей и зверей — дело самое легкое и в то же время самое трудное. Сперва надо с ними как следует сдружиться.

Попутчица

Поезд, кажется, замедлил ход. Колеса взвизгивали на стыках, от скрежета и грохота дрожал, не переставая, пол вагона. Холодный ветер порывами бил в полуоткрытое окно; оно было закреплено, и его нельзя было ни поднять, ни опустить. Тронутое инеем, оконное стекло блестело при свете единственной маленькой лампочки. В окно женщина могла видеть только ночную тьму, редко усеянную бледными звездами; они словно летели над вельдом[1], догоняя поезд. Она еще раз поглядела в окно и с тоской вспомнила, какую тихую радость когда-то приносили ей звезды. Слезы покатились по ее лицу.

Контролер перестал колотить в дверь. Смолкла и ругань. Но она знала: эти люди все еще там. В пыльном коридоре кто-то шаркнул ногой, и сердце ее снова заколотилось от страха. Она сидела на полу, обессиленная, в полуобмороке. Кое-как ей удалось привести себя в порядок и даже вытереть пол, и теперь она застыла в ожидании, не зная, что будет дальше и что грозит ей за ее преступление. Глядя на черный квадрат ночи, она снова подумала о своем муже — Мотсибо Лефела; как далеко он от нее, на другом краю света, наверное, никогда она его больше не увидит. И она в отчаянии покачала головой.

Контролер и его помощники снова подошли к двери, на этот раз они принесли с собой что-то тяжелое. При первом ударе в дверь она с трудом поднялась и забилась в угол. Она завернула новорожденного в нижнюю юбку, укутала в красное с серыми полосами одеяло — получился большой мягкий узел. В глубине складок она могла разглядеть часть маленького темного личика и черные, с голубоватыми белками глаза, еще ничего не видящие, но уже устремленные к свету. Там, в коридоре, пришли за ней, за ней и за ним. Сила на стороне пришедших. В их холодных, тусклых глазах было нечто недоступное пониманию, какой-то закон, который они хотят обрушить на нее, какой-то порядок, понятный только им одним

Удар! Еще один! Дверь не поддавалась. Поезд наперекор тормозам бежал, делая извилистые повороты, спускаясь в какую-то долину. На мгновение в неясном свете вырисовывались очертания скалистой выемки — и снова пустота, черная ночь и мигающие звезды. Шатаясь, она добралась до окна и поднесла к нему мягкий узел. «Бэби, бэби...» — шептала она про себя: ведь она еще не дала ему имени. Быстрым движением протолкнула она узел в полуоткрытое окно и бросила в ночь; он улетел, исчез. У нее ничего не осталось: ни желания жить, ни радости, ни ужаса, ни боли.

Взломав дверь уборной третьего класса, они увидели лицом к лицу туземную женщину; во взгляде ее была пустота, рот открыт, казалось, она стояла на ногах мертвая. Контролер застыл в пролете двери; это был грузный мужчина с маленькими голубыми глазками на широком красном лице, в фуражке на ремешке. Вены на его висках, казалось, готовы были лопнуть от ярости. Из-за его плеча выглядывал железнодорожный полисмен в темно-синем мундире с серебряными пуговицами; за ним виднелось множество других лиц — белых, коричневых и черных. Все увидели кровавые пятна на платье женщины и на умывальнике. Контролер заорал на нее, но осекся на полуслове. Она внезапно, словно сломанная надвое, опустилась на пол. Взглянув на съежившееся на полу тело, он побледнел. «Господи, да она кончилась».

* * *

Поезд медленно исчезал из виду. Тихо было на маленьком полустанке посреди вельда; редкие огоньки терялись в окружавшей темноте. Молодая женщина сидела на дощатой скамье в зале ожидания третьего класса. Это была простая, открытая будка у самого железнодорожного полотна. На плечи ей кто-то накинул пальто, мужское пальто. Мужчина,— должно быть, это было его пальто — пытался развести костер на земляном полу. Ветер то и дело сотрясал будку, громыхая железом кровли, взвивая клубы дыма от костра, бессильного дать хоть чуточку тепла. Женщине казалось, что все ее тело отморожено, что ноги у нее отнялись. Все внутри — сплошная огромная боль. Двое полисменов — белый и чернокожий — в длинных синих шинелях стояли у открытого входа в будку, топтались, постукивая ногой о ногу зевали и пускали из трубок тоненькие струйки дыма.

Человек, возившийся у костра, принес ей в оловянной кружке горячего кофе. Присев на скамью рядом с женщиной, он отпил глоток, потом поднес кружку к ее губам.

— Выпей немного, аусей[2], тебе станет лучше.

Она отвернулась. Но тут же, взяв кружку в обе руки, стала жадно пить, проливая кофе, капли стекали по ее подбородку. Она посмотрела на незнакомца, и он ответил на ее молчаливый вопрос:

— Я сказал им, что я твой родственник. Меня зовут Поль Моленг.

— Почему я здесь, отец?

— Почему вообще здесь люди? — сказал он, и лицо его осветилось веселой, мягкой улыбкой, как у взрослого, который что-то объясняет ребенку.— А теперь усни, днем наговоримся.

Она продолжала сидеть неподвижно, уставившись в одну точку, и вдруг в ее памяти воскресло все, что случилось.

— Он сказал, что я убила своего ребенка... Он сказал, что я убила своего ребенка...— Она вновь и вновь повторяла эти слова, как будто они лишены были всякого смысла.— Почему он говорил это? Скажи полисменам, что мой маленький жив... Я сама его запеленала... Это мальчик... Я покормлю его, когда он заплачет.

— Я скажу им, сестра.

Поль Моленг приподнял ее ноги и уложил их на скамейку. Он вынул из своего чемодана одеяло и укрыл ее. Да, ему тоже было непонятно, как она сюда попала. В списке пассажиров значилось ее имя — Ева Лефела. Полиция задержала ее за детоубийство. На полустанке он сошел с поезда, чтобы помочь ей. Другие тоже хотели остаться, но он сказал: «Я немного разбираюсь в законах и позабочусь о ней. Ведь не можем мы все стать ее братьями».

Они устроили денежный сбор, и у него в кармане очутились четыре фунта и несколько шиллингов. Он сошел с поезда на заброшенную, усыпанную шлаком платформу в тысяче километров от того места, куда он ехал. Поезд ушел, и сейчас они дожидались полицейской машины, которая должна была прийти из окружного центра. Помочь женщине он мог немногим — разве что позаботиться о том, чтобы с ней поступили по закону.

Она лежала без движения; лишь изредка сквозь ее сжатые губы прорывался стон. Уже начинало светать. Не замедляя хода, мимо полустанка с грохотом пронесся экспресс; он на мгновение осветил будку мелькающим сиянием своих огней и, как видение, исчез в пространстве. Ветер угомонился. Ночь была так тиха, что слышен был доносившийся с вельда вой перекликающихся шакалов. Во дворе какой-то невидимой фермы негромко гоготали гуси. Блеяла овца. Полицейский-африканец подошел поближе к огню и примостился на корточках рядом с Моленгом.

— Сильный мороз будет утром,— сказал он.

— Да, мороз будет трескучий.

Они не проронили больше ни слова. Слышно было, как снаружи белый полицейский скрипит сапогами по шлаку: он прохаживался взад и вперед, чтобы убить время. Поль Моленг пристально глядел на угли и старался не думать о маленьком коричневом тельце, валяющемся где-то у железнодорожного полотна.

Женщина очнулась. Она посмотрела на обоих мужчин, прикорнувших у огня, и снова отвернулась. Утром будет сильный мороз. А увидит ли она это утро? Нет, она не хочет, она не может больше жить. Как она взглянет в лицо Мотсибо, своему мужу? Когда она уезжала из дома — его и ее дома,— трава была вся седая от мороза и снег сверкал на вершинах хребта Тхаба-Пуцуа. Тогда тоже всходило солнце, и в его лучах снег казался бледно-розовым, как яблоневый цвет, а маленькие облачка были чуть потемней. Не раз ей приходилось смотреть на восход солнца, но никогда еще не было такой тишины и по-

[1] Степь в Южной Африке

[2] Сестра

билета

Рассказ

Джек КОУП,

южноафриканский писатель

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО.

коя, как в то утро. Она увидела в этом счастливое предзнаменование и сказала брату своего мужа, ехавшему рядом с ней верхом на пони: «Взгляни, кажется, сам бог благословил этот день». Одноногий Исайя Лефела — другой ноги он лишился во время катастрофы на шахте — посмотрел на восходящее солнце, золотившее лучом его кожу, и сказал: «Да, каждый день таков, каким он нам кажется».

Из всех жителей деревни он один никогда не спорил с ней, ни в чем не перечил, и в долгие месяцы ожидания Мотсибо она видела в Исайе брата, отца, опекуна.

Мотсибо работал в Кейптауне на цементном заводе, и все, что ему удавалось отложить из заработка, посылал ей в Базутоленд. Когда она была на шестом месяце беременности, ей приснился сон, он глубоко врезался в память. Ей снилось, что она уже родила ребенка и что он умирает от удушья. Он задыхался, личико его распухло до ужасающих размеров. Но вот пришел Мотсибо, взял ребенка на руки, дал ему имя, и мальчик начал дышать. Он стал улыбаться и даже захлопал в ладоши...

Об этом сне она никому не говорила: ведь она была христианкой, и училась в школе, и знала, что такой сон может сильно взволновать стариков: в их сердцах всегда жил страх. Но она написала Мотсибо и настоятельно просила его приехать ко дню родов. Мысль о том, что ее первенец может родиться в отсутствие мужа, вызывала в ней тревогу, нет, ужас, ледяной ужас перед неотвратимым несчастьем. В ответном письме Мотсибо обещал ей приехать. Через два месяца срок его контракта истекал, и еще через три дня, получив расчет, он должен был вернуться в родную горную деревушку над рекой Мекалинг.

Но тут на обоих обрушился страшный удар. Правительство издало новые правила, чтобы помешать туземным рабочим приезжать в города. Мотсибо узнал, что если он отлучится из Кейптауна, чтобы повидаться с женой, ему могут не разрешить вернуться туда или поехать в какой-либо другой город, чтобы найти работу. Значит, ему не останется ничего другого, как батрачить у белых фермеров за шиллинг в день, за пятнадцать фунтов в год. На эти деньги он никак не сможет прокормиться сам, уплатить налоги да еще помогать семье. Надо оставаться в Кейптауне, пока не найдется какой-нибудь выход из этого железного капкана.

Ева прошла три мили извилистой тропинкой к конторе, где ее дожидалось письмо. Когда она стала его читать, голубой листок, исписанный резким почерком Мотсибо, задрожал в ее руках. Друзья подумали, что ей стало дурно. Раздобыли лошадь, чтобы отвезти ее домой, а там свекровь приложила к животу Евы волшебный талисман.

Несколько дней спустя она объявила друзьям, что едет в Кейптаун, чтобы быть вместе с мужем в день родов. Ничто не могло заставить ее изменить свое решение: ни угрозы, ни предостережения, ни дурные предсказания. Единственным человеком, кто поддержал ее в эти дни, был улыбавшийся, славный Исайя; ковыляя по улочкам на самодельной деревяшке, он приходил навестить ее и старался развлечь всякими рассказами и шутками.

— Пусть едет,— говорил он,— пусть поступает так, как подсказывает ей сердце.

— Есть кого слушать! — восклицала ее мать, попрекая Исайю его убожеством.

Но когда Исайя восседал в седле на своем пони, в широкополой соломенной шляпе, накинув на плечи синее с желтым одеяло, он ни видом, ни осанкой не уступал никому из деревенских парней, и вы ни за что не приняли бы его за калеку.

На родине Евы хорошо знали, что такое нужда. Бедность и отсутствие заработка гнали молодых людей, подобно Мотсибо, в дальние края.

Покидая туманный Базутоленд, они вступали в чужой, смыкавшийся вокруг них мир, мир Южной Африки. Ева часто думала о рае — это была горная страна, где ангелы тихо разъезжают на холеных лошадях и говор ангелов похож на песню, а бряцание уздечек — на звуки гитары. Бог восседает на уходящей в тучи вершине горы, подобной Тхаба-Пуцуа, внимает псалмам и непрестанно осыпает верующих благословениями, ниспосылая им мир и блаженство. Об англичанах в этом раю Еве не хотелось думать. Англичане — это правительство, полиция, конторы и склады, пункты по вербовке рабочих английские миссионеры (хотя были также и французские, американские и немецкие). Но в деревне Евы пастор был местный уроженец, седовласый базуто.

Говорили, что английские власти добродушны и вежливы, что от них даже можно получить помощь. Но чаще всего они не обращают на тебя никакого внимания, а если что и советуют, то равнодушно и неохотно. Это как отчим относится к пасынку.

Ева никогда не пересекала границу и ни разу не была в Южной Африке; об этой стране она знала только по рассказам. Немало странных и смешных фантазий вплеталось в картину, которую она себе нарисовала; и все же трудно было обмануться: когда собеседник рассказывал об этой стране, его выдавали выражение лица и дрожь в голосе. Многие на собственном опыте узнали, что такое Южная Африка, например, Исайя, вернувшийся оттуда калекой. Хотя он не жаловался на судьбу и не ожесточился, Еве казалось, что она все может прочитать в его сердце. Южная Африка была для нее страной мабуру [1], сколько бы там ни жило других народностей. Думая об этом далеком мире, она всегда ощущала глубокий, потаенный страх. Но теперь она знала: ей надо туда ехать одной, без чьей-либо помощи, наперекор мудрым советам сородичей. Надо потому, что Мотсибо должен быть рядом с ней в час рождения ребенка — это была главная причина, она перевешивала все

Когда по ее расчетам до родов оставался месяц, она взяла в сберегательном банке при почтовой конторе часть своих сбережений и завязала деньги в узелок из красной ткани. Исайя одолжил ей на дорогу чемодан, тот самый, который он привез из своей последней поездки. Она уложила кое-что из одежды, полотенце, пеленки и рубашечки, которые она шила в долгие летние и осенние месяцы.

Она встала засветло, и у ее дома собралась толпа людей. Они пришли из разных концов деревни, закутавшись по самые глаза в теплые одеяла. Заспанные ребятишки копошились у ног старших; мужчины, разбившись на группы, переговаривались шепотом, покуривая тоненькие трубочки. Никто, за исключением Исайи, не одобрял ее поездки, но теперь, видя ее усталое лицо и слезы, прячущиеся в уголках глаз, каждый старался избегнуть слов осуждения. Соседи принесли ей маленькие подарки — еду на дорогу, а мать Мотсибо дала ей с собой лебанту — пояс с талисманом, сулящим удачу и здоровье. Одна молодая женщина робко подошла к Еве и протянула ей деньги — фунт три шиллинга и шесть пенсов — все мелочью, шиллингами и шестипенсовиками. Монету за монетой она клала на ладонь Евы, тихо приговаривая: «Это от Хописо, это от Месебо, это от меня, это от Мамосебетси — дочери Летсиео...» Она перечисляла всех, кто значился в ее длинном списке, а Ева, опустив голову, роняла слезы на серебряные монетки.

Пегий пони Исайи был уже оседлан, рядом стояла коренастая серая лошадка. Несколько юношей пришли проводить Еву, и один из них сказал с озабоченным видом: «Пусть она возьмет лошадь Сизо, она сильная и смирная. Сейчас у нее лишний вес, и это мешает ей на бегах».

Сизо с готовностью вывел свою лошадь.

— Возьми ее, аусей, она никогда не проигрывает на бегах.

— Тогда скажи, какой приз достанется мне? — спросила Ева.

Все засмеялись... Люди как бы освобождались от сковывавшей их неловкости. Ева не решилась отказаться от выносливого гнедого коня; юноши укоротили стремена и помогли ей усесться в седле. Исайя, подвязав чемодан к луке седла, выехал первым, за ним двинулась Ева, а вслед поскакали юноши, решившие проводить ее до Мафетенга. У поворота к долине Ева бросила взгляд на деревню. Народ все еще не расходился. Высоко над деревней вырисовывались очертания гор, солнце посылало из-за них свои длинные лучи, они касались снежных вершин и окрашивали их в цвет абрикоса. Юноши запели грустную, красивую песню:

Матсидисо нгоана Рахали
Ха есале о тсамеа оа рисиеа
Ле бодуду оаре оеа Гаутенг
(О Матсидисо, дитя Рахали!
Ты должна уйти, и мы будем грустить
о тебе,
Ведь путь твой лежит к Золотым Рудникам).

«Да,— думала Ева,— эта песня идет из самого сердца, и на небе ее услышат, в ней повествуется о вещах, всем хорошо знакомых».

Мелодично звучал голос Исайи, певшего вместе со всеми. Птицы с гомоном разлетались при их приближении.

Солнце уже пригревало вовсю, когда они приехали в Мафетенг. На единственной людной улице городка уже стоял почтовый автобус, хотя по расписанию он должен был отправиться в рейс только через час. Ева почувствовала удар в самое сердце — ведь это последнее звено, связывающее ее с прошлым: автобус доставит ее через границу в страну мабуру. На мгновение она закрыла глаза.

— Я не хочу ехать.

— Ты в этом уверена, аусей? — спросил Исайя, пристально вглядываясь в нее.

В его голосе ей послышалось облегчение.

— Нет, я должна ехать

Он пошел за билетом для нее, но купил и для себя.

— Поеду с тобой до Вепенера и там посажу тебя в поезд,— сказал он.— Там, наверное, кто-нибудь присмотрит за тобой, пока тебя не встретит Мотсибо.

В ее взгляде светилась такая горячая благодарность, что он не прибавил больше ни слова. Он не хотел тревожить ее, рассказывая о том, как трудно купить железнодорожный билет, о том, что к ней могут приставать с расспросами на «африканс», который она едва понимала, о том, наконец, какие проволочки и испытания выпадают на долю человека, путешествующего впервые.

До Вепенера было только шестнадцать миль, но это была дорога, которая вела из Базутоленда в Южную Африку. Еве этот отрезок пути представлялся путешествием в страшную неизвестность и она словно при-

[1] Буров.

росла к Исайе, не отходя от него ни на шаг. Они заняли места в автобусе за полчаса до срока, и когда жесткие скамьи заполнились людьми, Еве показалось, что сердце подступает у нее к горлу: она задыхалась. Она не слышала, что говорил ей Исайя, и сама не могла выговорить ни слова. Наконец завели мотор, послышались напутственные возгласы и смех провожающих. Пассажиры высунулись из окон. Одни из них плакали; другие ели апельсины. Мафетенг исчез в клубах пыли.

Она ожидала, что случится что-то необычайное при переезде границы, что она испытает нечто особенное, памятное на всю жизнь. Ведь сейчас она, как и муж ее, окажется целиком в руках тех, других. Она будет в их власти. Чтобы пережить это, надо собрать все свое мужество. Она застыла в напряженном ожидании, а соседи болтали между собой, рассказывали смешные истории. Не успел автобус пройти и несколько миль, как они уже знали, что Ева беременна и что она едет к мужу.

— Странный случай,— сказал один.

— Мужу следовало бы приехать к ней.

— Ао! Разве вы не слыхали о новом законе?

— Кто там запомнит все эти новые законы! Голова от них кругом идет.

— Нет, брат, там зевать не приходится,— сказал один из пассажиров. Он кивнул головой, указывая на поля, спускавшиеся у реки Каледон по ту сторону границы.— Раньше чем шаг ступить, оглянись назад, загляни вперед, осмотрись по сторонам, налево, направо, на восток и на юг, на север и на запад, посмотри, что у тебя над головой и что под ногами.

— И все равно тебя поймают.

Раздался приглушенный смех.

— Вот мы и там!

Автобус подпрыгнул, задев дренажную трубу небольшого водостока. На одной стороне дороги была доска со словами «Южно-Африканский Союз», на другой — такая же доска с надписью «Базутоленд — британская территория». Машина не задержалась ни на минуту, все было обычным вокруг. Солнце так же продолжало сиять в безоблачном небе, а они, горсточка набившихся в автобус людей, продолжали свой путь, взбираясь по пыльной извилистой дороге в Вепенер. Ева старалась убедить себя, что уже пересекла границу, но простота этого факта пугала ее. Неужели и умирать так же просто?

Времени у них было в избытке. Пассажирский поезд отходил вечером, без четверти десять. Ева и Исайя пошли на станцию. Она ощущала усталость в каждом суставе, а когда вошла в здание вокзала, по телу ее пробежала дрожь. Исайя знал здесь все ходы и выходы и умел себя вести. Он выждал, пока кассир не освободится, и только тогда подошел к нему с Евой. Он говорил на «африканс», тщательно произнося слова. Выложив все нужные бумаги и деньги за билеты, он сказал, что морена[1] сам видит, что перед ним неопытная женщина, которой нужно немного помочь, вернее, как легко убедиться, она очень нуждается в помощи.

Морена был еще молодым человеком с приятным загорелым лицом и голубыми глазами. Не говоря ни слова, он выдал билет и затем, выйдя из своей небольшой конторки, стал болтать с Исайей.

— Да, я вижу,— сказал он, подмигивая,— ей скоро понадобятся два билета.

— Полтора, морена,— возразил Исайя.

Он был приятно удивлен тем, что чиновник так любезен. Исайе хотелось воспользоваться хорошим началом, чтобы немного развеять мрачные мысли Евы. Мабуру вообще — это одно, но каждый из них в отдельности — это человек, который может быть вежливым и даже дружелюбным. Кассир и Исайя несколько минут говорили о строительстве дорог и плотин в Базутоленде.

— Сала хантле, морена,— сказал Исайя на прощание, и чиновник кивнул ему. Кассир проводил взглядом этого одноногого, ковылявшего на своей деревяшке, и подумал: «Это вежливый кафр, его еще не испортили».

Ева вдруг поняла смысл замечания кассира о том, что ей скоро понадобятся два билета, и это очень встревожило ее.

— Это была всего только шутка, как ее понимают белые,— сказал Исайя.

— Ао! — как стон, вырвалось у Евы.

— Он улыбался, аусей.

— Да, он улыбался...

Они глядели на заходившее солнце, которое резко, словно толчками, меняло свою окраску. Солнце закатывалось над Южной Африкой, и Еве казалось, что даже оно, великое светило, подобно ей, очутилось в плену, во власти чужеземцев. Впрочем, Исайе она об этом не сказала: и без того уже она надоела ему своими страхами. Он условился с одним из пассажиров, что тот поможет ей пересесть на сквозной почтовый поезд в Блумфонтэйн. Наконец настала минута, когда лицо Евы в окне вагона стало все больше удаляться от него, потом совсем растаяло в темноте, уже опустившейся на станционную платформу.

В купе Ева сидела на жесткой деревянной скамье, стиснутая другими пассажирами. Движение поезда приносило ей облегчение. Откинув голову, она закрыла глаза, тело ее слегка покачивалось в такт ходу поезда. Одни пассажиры спали, другие тихо переговаривались между собой. Около полуночи поезд должен был прибыть в Блумфонтэйн. Ева уснула.

Поезд с непрекращающимся грохотом все еще мчался по вельду, когда она проснулась. Она так и не могла понять, что ее разбудило, должно быть, смутное ощущение тревоги, охватившее все тело. Свет горел. В вагоне все спали, головы и тела раскачивались в каком-то странном ритме. Она долго просидела уставившись в пустоту, и вдруг это появилось снова: колющая, сжимающая боль. Теперь уже можно было безошибочно сказать, откуда она.

— Нет, нет, нет,— твердила себе Ева,— это всего-навсего что-то с желудком. Я, наверно, что-нибудь съела.

Из бутылочки, которую ей дал Исайя, она вытряхнула две таблетки аспирина, разжевала и проглотила их. Боль утихла и не возобновлялась, пока поезд не побежал мимо дальних предместий Блумфонтэйна. Тут она снова почувствовала схватки, но более слабые. Она приняла еще таблетку аспирина. Да, тут все дело в желудке и в том, что она не привыкла путешествовать.

Даже в столь поздний час на невообразимо огромной узловой станции царило оживление: здесь происходила пересадка, взад и вперед сновали спешившие на поезд люди. Ева никогда в жизни не видела сразу такого множества белых. Все они были в изящных зимних пальто. Еве было холодно, и она чувствовала боль. Кто-то из пассажиров подхватил ее чемодан и нашел для нее местечко в одном из головных вагонов почтового поезда. Там, в купе, людей было поменьше, не все пассажиры были базуто, были и люди других, неведомых ей народностей. Она почувствовала себя чужой и одинокой.

Поезд дал протяжный свисток и тронулся. Пронзительный сквозной ветер вползал в купе, и пассажиры сбились в кучу, со вздохом смирения принимая неизбежные дорожные тяготы. Ева сидела неподвижно, стараясь не думать о том, что страшило ее больше всего. Постепенно к ней возвращалась надежда; расслабив все мышцы, охваченная приятной истомой, она устроилась поудобней, собираясь заснуть. И вдруг волной поднялась в ней такая боль, что она едва не лишилась чувств. Невольно она закричала. Соседи изумленно смотрели на нее.

— Мне приснился сон,— прошептала она, задыхаясь.

В ответ посыпались обычные в таких случаях успокоительные слова. Она закрыла глаза и сделала вид, что засыпает. Но ничто не помогало. С каждым приступом боли панический страх овладевал ею все больше и больше. В отчаянии она заставила себя встать и двинулась к двери, шагая через вытянутые ноги спящих. Какая-то женщина показала ей дорогу, и она очутилась в холодном коридоре. Вдруг перед ней возникла грузная фигура белого человека в темной форме — это контролер совершал очередной обход. Она повернулась и, пошатываясь, побрела в обратную сторону, держась за медные перила.

Очутившись одна в маленькой уборной, она ощутила новый прилив мужества. Наступала решающая минута, и ее не надо было учить, что делать. Она тщательно закрыла дверь на задвижку. Весь огромный мир, пассажиры, поезд, белые чиновники, пространство и время — все это словно стерлось в ее сознании. Она сняла свои три юбки из бумажной ткани и стала на колени, отведя руки назад и упершись ими в пол. Порой взор ее скользил по электрической лампочке на потолке или устремлялся к черному квадрату полуоткрытого окна, но она не видела ни электрического света, ни звезд. Иногда голова ее падала на грудь, но ни разу Ева не закричала...

И вот новорожденный — это был мальчик — лежал у ее колен; взгляд ее прояснился, она вытерла его лицо. Она вложила свой палец в крохотный коричнево-розовый кулачок, и кулачок крепко зажал палец. Личико, уже ставшее ей таким дорогим, сморщилось: ребенок заплакал.

— Нгоана, нгоана, деточка,— заворковала она над ним.

Она завернула его в свои юбки, потом закутала в красное с серым одеяло и застегнула одеяло английской булавкой. В эту минуту кто-то дернул дверную ручку. Тотчас же вслед за этим раздался стук в дверь и послышался голос на «африканс»:

— Кто тут?

Сразу все снова нахлынуло на Еву, как страшный шквал. Она сделала что-то ужасное! Вспомнились слова клерка о том, что ей понадобятся два билета. В мозгу ожил приснившийся сон — ее охватил ужас: ребенок умрет,

[1] Господин.

раз с ней нет Мотсибо. У нее отнимут ребенка... Его отнимут в наказание... В маленьком квадратном помещении она одна, а там, снаружи, — чиновники, там беспощадная власть мабуру.

«Трах, трах, трах!» — снова раздались удары в дверь. Сердитый голос кричал:

— Открой! Нечего прятаться, если нет билета.

Она ждала, пригнувшись к полу и часто и трудно дыша, как загнанное животное. Стало тихо — ей казалось, надолго, — но потом снова послышалось шарканье ног и голоса, много голосов. И снова удары, удары в дверь...

⁂

Еще не рассвело, когда к заброшенному полустанку подкатил полицейский автомобиль. В машине сидели начальник окружной полиции — он был в форме, — сыщик в штатском и двое туземных полисменов. Через несколько минут из Блумфонтэйна вызвали автодрезину: было решено выехать на поиски трупа ребенка.

Поль Моленг, этот незнакомец, спросил, нельзя ли и ему участвовать в поисках. Капитан нахмурил брови, словно собираясь спросить: «А вы-то, черт побери, кто такой?»

— Моим адвокатам, наверное, понадобится свидетель, — сказал Моленг.

— Свидетель?.. Это еще что значит?

— Он родственник обвиняемой, — пояснил агент железнодорожной полиции.

— Ну, ладно, пусть едет.

Поль Моленг наклонился к Еве:

— Я поеду, но ненадолго!

— Куда? — спросила она, переводя дыхание.

— Я скоро вернусь, отдохни.

Он побежал вслед за полицейскими и на ходу вскочил в дрезину. Протрубил рожок, и маленький вагончик, жужжа, как шмель, помчался по рельсам, скользя своими огнями по замерзшим спальным вагонам, стоявшим на путях, по высаженным вдоль линии абрикосовым деревьям, теперь обнаженным, с запорошенными инеем ветками.

⁂

На станции начала пробуждаться жизнь. Ева слышала, как подъезжали первые телеги, как звенели сгружаемые на платформу бидоны, полные свежего молока. До нее долетали обрывки фраз на ее родном языке.

Постепенно светало, и кусочек неба, который был виден Еве с того места, где она лежала, все более прояснялся. Но ей было не до любования рассветом. Ее мозг теперь работал четко. Прошло то состояние пустоты и спутанности мыслей, которое, словно дымовая завеса, ограждало ее от обрушившегося на нее горя. Она все видела и понимала все, что произошло с ней, до мельчайших подробностей. Ей казалось даже, что она слышит, как щелкнула булавка, которой она застегнула одеяло, укутавшее погибшего ребенка. Нет, это сделала не она. Это сделали те, другие, они отняли у нее ее маленького, точь-в-точь, как это было в том сне.

Она не в силах была больше терпеть эту муку — лежать без движения, когда сердце схватывает клещами при малейшем звуке, долетающем из-за этих холодных, как железо, стен. Она поднялась со скамейки и неуверенно, держась за стенку, сделала несколько шагов к выходу. С большим усилием она выпрямилась, и солнце брызнуло ей в глаза. Оно всходило над далекими, далекими холмами и горами ее родного края. Долго простояла Ева, вглядываясь в эту манящую даль; ей было тяжело видеть все то, что казалось безвозвратно утраченным. Полисмен с любопытством глядел на нее.

— Что ты на меня уставился? — крикнула она с горечью. — Я тебе ничего не сделала.

— Я не смотрю на тебя.

— А где остальные?

— Не знаю. Отправились искать.

— Искать... — пробормотала она, тяжело дыша. — А меня не взяли. Я знаю, где он. Он ждет меня. Пустите меня туда, к нему!

Полисмен рукой удержал ее на месте.

— Пусти меня, пусти!

В неистовстве она бросилась на полисмена. Глаза его округлились, стали злыми, он прикусил губу и крепко обхватил Еву за спину. Но лицо ее вдруг сделалось мертвенно-бледным, и она бессильно поникла на его руках.

Когда она очнулась, снаружи доносилась песня. Несколько рабочих у обочины дороги грузили на машину тюки кож. Сначала она слышала только песню, это был старинный напев в медленном ритме — такие песни помогают людям в тяжелой работе. Ева всем измученным сердцем прислушивалась к пению этих людей. Потом она с трудом подняла веки и огляделась. Она старалась вспомнить... Какой-то человек сидел на пустом ящике, и солнечный свет лежал ярким пятном у него на плече, оставляя лицо в тени. Ей показалось, что это Исайя, хромой, брат ее мужа. Он, кажется, улыбался ей. Почему он улыбается? Что-то ласковое и успокаивающее было в этом темном лице, на котором блестели только глаза и зубы. Она вздрогнула и разрыдалась.

— Не надо плакать, — сказал человек, и она увидела, что это тот незнакомец, Поль Моленг.

— Что же мне делать? — Она продолжала рыдать.

— Ты пережила большое горе, большее, чем под силу женщине. Но теперь все позади. Ты должна быть сильной, аусей, сильней, чем другие женщины.

— У меня нет сил, отец.

Рабочие, грузившие машину, перестали петь и подошли к входу в будку. Они разглядывали Еву. Тихими, но возбужденными голосами они переговаривались:

— Смотри, она проснулась.

— Что она говорит?

— Ничего не говорит, брат, она плачет.

— Ао, как ей повезло!

— Потише вы!

Казалось, ничего нет необычного в том, что они собрались у порога, эти рослые, неторопливые люди, словно члены одной семьи, и что в их приглушенных голосах звучала забота. Взглядом Ева поискала полисмена.

— Где полиция? Почему меня здесь держат? — спросила она.

— Полиция ушла, — сказал Поль Моленг. — Ты свободна, понимаешь, свободна. Тебя не будут судить. Все кончилось. И сегодня же, как только придет поезд, ты поедешь домой. — Он показал через плечо на восток, в сторону гор Базутоленда.

Она смотрела на него без слов, а он, наклонившись, помешивал какое-то горячее варево в жестяной банке.

Люди, столпившиеся у входа, отодвинулись в сторону, словно для того, чтобы пропустить в будку целый поток солнечных лучей.

— Я купил тебе билет, — ласково продолжал Поль Моленг. — Завтра ты будешь в Вепенере, и автобус привезет тебя домой. А там ты будешь заботливо растить своего ребенка. Растить для лучших дней.

Из угла будки послышалось покряхтывание, потом тоненький крик.

Разговоры у входа прекратились. Никто больше не проронил ни слова. Поль Моленг наклонился над своим открытым чемоданом и вынул из него узел в полосатом одеяле.

— Вот он и проснулся, — сказал Моленг.

— Проснулся, — повторил голос у входа. — Э, да она уже знает...

Перевел с английского
Р. ВЛАДИМИРОВ.

ОТКРЫТКА В ДАМАСК

АБД-АЛЬ-ВАХХАБ АЛЬ-БАЯТИ

Красоты твоей солнце, Дамаск
В бездны грусти взглянуло моей,
Мне других и не надо ласк,
Стало душе теплей.

Кроме родины,
Нет ничего у меня,
И мотыгою горя
Изрезана грудь у меня.
Если б порохом были начинены
Буквы моих страниц,
Чтобы ночь взорвалáсь,
Чтобы рухнули стены темниц,
Я б, как воин, что с битвы
С победой идет,
Я б, как путник,
Забывший отечества дым,
Я б, как птицы,
Что, свой совершив перелет,
Возвращаются к гнездам своим,
Я б вернулся к тебе, о Дамаск,
И воспел бы в нежнейших стихах
Красоту твоих ярких глаз,
Пенье птичье в твоих лесах...

Строки борются между собой,
Нежных рифм караван —
С боевою трубой.
Сколько нежных я слов забыл!
Если б я не стремился в бой,
Я б воспеть тебя счастлив был.

Перевел **Я. БАРЕНБОЙМ.**

Абд-аль-Ваххаб аль-Баяти — иракский поэт, в настоящее время находится в эмиграции.

Со всех концов страны...

Ученики 17-й средней школы Энно Эерма, Агу Лиисмент, Тыну Лаппард и Вилли Хейки передают Лео Рауну письма для участников фестиваля.

Фото С. Розенфельда.

ТОКАРЬ И УЧИТЕЛЬ

Кончилась смена. Молодежь механического цеха веселой гурьбой высыпала на улицу. Одни направляются в парк, другие—на стадион.

— А ты куда, Лео? Опять в школу?

Лео Раун сворачивает на Ристику — улицу в рабочем квартале, где находится 17-я средняя школа. Нет, не учиться идет он туда, а учить. Там уже ждут токаря с Таллинского машиностроительного завода. Ждут школьники, которых он учит токарному делу.

В этот день ребята ждали его с особенным нетерпением: стало известно, что Лео Раун едет в Москву на фестиваль.

— А кто он такой, что едет на фестиваль? — спросил кто-то из пионеров.

— Когда ему было столько же лет, сколько сейчас тебе,— сказал вожатый,— он уже зарабатывал себе на хлеб. Лео был первым комсомольцем в своей волости, его никто не агитировал, а он сам агитировал крестьян-бедняков за коллективизацию. А теперь он член райкома комсомола и член заводского комсомольского комитета, один из лучших токарей в республике.

...На машиностроительном заводе идет заседание комсомольского комитета. Обсуждаются решения XX съезда партии. Разговор зашел о политехнизации. Стали думать, чем можно помочь подшефной 17-й школе. Кончили тем, что выбрали Лео Рауна ответственным за шефство.

Лео несколько раз ходил в школу, говорил с ребятами и учителями и наконец определил для себя, чем он будет в школе заниматься. Начал с организации мастерской: договорился с заводоуправлением о подарках школе и установил в мастерской привезенные с завода несколько станков.

Ребята стали группироваться вокруг молодого веселого токаря с умелыми руками: им казалось, что он может делать все. Лео рассказывал об устройстве станков, назначении инструментов. Школьники бывали на заводе, и Лео водил их по цехам, а потом записал первую группу ребят из восьмого класса в кружок токарей. Регулярно три раза в неделю Лео Раун занимался с будущими токарями. И вот ранней весной нынешнего года двадцать пять выпускников 17-й школы стали проходить на заводе практику. Каждого из них прикрепили к опытному токарю. И недалек день экзамена на третий разряд.

...Перед отъездом Лео в Москву на фестиваль ученики токаря передали ему конверты без адресов.

— Мы хотим завязать дружбу с участниками фестиваля. Передай эти письма тем, кто тебе понравится больше всех,— сказали они своему учителю токарного дела.

Н. ХРАБРОВА

Тебя ждут, Джаган Бал!

— Галя, какая ты счастливая! — Друзья по факультету обступили невысокую девушку, наперебой пожимали ей руки, обнимали.

Студенты Пермского педагогического института посылают на Всемирный фестиваль 20-летнюю Галину Буданцеву.

...Галя волнуется. Времени до отъезда в Москву осталось немного, а сколько еще надо сделать! Нужно подумать и о фестивальном наряде, еще раз просмотреть свою обширную переписку с далекими индийскими друзьями.

Галина Буданцева никогда не была в Индии, но имеет там много друзей. Полгода тому назад один из индийских журналов опубликовал фамилии и адреса советских студентов, желающих установить переписку с индийской молодежью. Был там и адрес Гали. За шесть месяцев она получила уже более ста десяти писем от 36 корреспондентов.

Кого из них встретит она на фестивале?

Может быть, это будет Чандан Бардиа, студент из Мадраса. Она очень хотела бы повидать этого любознательного юношу, познакомить его с Москвой, о которой он так настойчиво расспрашивает в своих письмах. Галя показывает большой серебряный медальон — подарок из Индии ко дню ее рождения. На нем выгравировано по-английски «Дружба. Чандан — Галине».

— А вот эти две монетки мне прислал на память юноша из города Дели — Раджешвар Прасад. Он очень увлекается русской литературой, читает книги Горького, Толстого, знаком с некоторыми произведениями советских писателей. Я ему посылала газету «Москау Ньюс» и книги советских писателей на английском языке.

Красочный календарь на языке хинди прислал Галине студент Роджендра Лохиа, а серию открыток с видами Индии — Ранжит Бхавнани, из города Пуна.

— Это мои наиболее активные корреспонденты,— говорит Буданцева.— О чем они пишут? Вот послушайте.

Галина вынимает листок из большой, аккуратно сложенной пачки писем и переводит:

«Вы знаете, какие у нас были наиболее счастливые дни? Когда наши дорогие гости — господа Булганин и Хрущев приезжали к нам в Индию. Мне посчастливилось их видеть... Я восхищаюсь вашим духом братства ко всему миру и желаю вам успехов и всего лучшего»

Письма последнего времени полны сообщениями о большой подготовке, которую ведет прогрессивная молодежь Индии к Всемирному фестивалю. Со многими из своих новых друзей Галина Буданцева надеется встретиться в эти дни в Москве. Вот только сегодня получено письмо от молодого индийца Джаган Бала: «Спешу поделиться большой радостью. В конце июля я с двадцатью товарищами из нашего города буду в Москве на Всемирном фестивале. Очень надеюсь увидеть вас. Заканчиваю наиболее популярным сейчас у нас лозунгом: «Хинди, руси — бхай, бхай!»

До скорой встречи в Москве!

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото Ф. Короткевича.

С КРАЯ ЗЕМЛИ

Товарищи поздравляют Александра Батюка с поездкой на фестиваль.

Фото Б. Вирина.

Мимо этих угрюмых скалистых берегов Печенгской земли скоро пройдут корабли с посланцами Норвегии, Исландии и других северных стран Европы. В Мурманске готовятся к встрече зарубежных участников фестиваля. Но мурманчане и сами посылают своих делегатов на всемирную встречу молодых. Едут молодые капитаны, смелые, выносливые моряки тралового флота, едут и строители,— а их сегодня особенно много здесь, на Кольском полуострове: суровый край стал краем бурливой юности, тысячи добровольцев строят тут новые заводы, рудники, гидростанции, прокладывают шоссейные и железные дороги.

...Вчера я был в поселке Никель. Государственная комиссия принимала три только что законченных новых жилых дома. Среди тех, кто своими руками возводил эти дома,— Александр Батюк, плотник.

Это высокий, дюжий парень. У него глубоко посаженные пытливые глаза, добрая, широкая улыбка. У Батюка сегодня двойной праздник: бригада отлично справилась с заданием, а он получил путевку в Москву на фестиваль.

— Это ж такое счастье, мне все ребята и девчата завидуют,— смущенно рассказывает Батюк.— Сразу весь мир увижу. Весь мир!

С какими же мыслями, планами едет на всемирную встречу молодежи скромный строитель из Печенги?

— Профессией строителя я горжусь,— говорит Батюк.— Сейчас на земном шаре нет более благородной работы, чем строить для людей побольше хорошего жилья. Недалеко от нашего поселка есть гидростанция Раякоски. Построить эту гидростанцию нам помогли друзья — финны. Видел я и жилые дома финнов, норвежцев. Много слышал, как поставлено в скандинавских странах жилищное строительство. Кое-чему и у них следует поучиться. Ладно возводят они дома! Так их спланируют, так повернут к направлению северных ветров, что не страшны никакие бураны и метели. Тепло не выдувается благодаря высоким цоколям, разумной планировке комнат, кухни и коридора. А отделка! Смотришь на площадку перед крыльцом: сделана из обыкновенного нашего северного камня, но как отполирована! Вот и нам надо научиться использовать свой природный камень. Я задумал,— продолжает Батюк,— как приеду в Москву, так первым делом разыщу товарищей по профессии из северных европейских стран, расспрошу их, как обрабатывают камень и дерево, каким пользуются инструментом.

— Еще Индию надо разыскать в Москве,— озабоченно продолжает Батюк.— Это мне наш комсомольский секретарь Аня Пузыревская поручила. Очень она любит их песни, танцы, кинофильмы и книги. Хочет с ними переписку завязать. А Иосиф Кудрушкевич, этот интересуется делегациями из Африки. Просил меня передать наш северный заполярный привет посланцам знойных африканских стран. И чтобы я обязательно сфотографировал их на память...

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Встреча с друзьями

Константин ЛАПИН

Венгерский юноша Андраш, приехавший несколько лет тому назад в Советский Союз на учебу, лежал в одной из ленинградских клиник с тяжелой формой полиомиэлита. Советская девушка Марина, тоже тяжелобольная, познакомилась с ним в клинике. Усилия врачей, воля, поддержка друзей и вера в жизнь помогли Андращу не только справиться с болезнью, но и сдать здесь же, в больнице, экзамены за пятый курс университета и защитить с отличием диплом. Равняясь на этого сильного человека, помогая ему заниматься и готовясь к защите диссертации, одолела собственную тяжелую болезнь и Марина. Дружба молодых людей, начавшаяся в больнице, перешла в любовь. В конце прошлого лета девушка уехала в Венгрию. Ее последнее письмо мне, датированное 19 октября, было песней любви — любви к мужу, к Будапешту, к венгерскому народу.

Но вот письма перестали приходить. Вместо конвертов, надписанных знакомым почерком, я вынимал из почтового ящика газеты со страшными снимками зверств фашистских бандитов в Будапеште... Думалось тревожно: что с Мариной и Андрашем? Из последнего письма Марины я знал, что Андраш в самый канун октябрьских событий был избран секретарем партийной организации своего института.

Андраш и Марина.

«Шесть писем Марины П.», напечатанные в январской книжке журнала «Знамя», встретили горячее сочувствие читателей, увидевших в молодой паре людей корчагинского, маресьевского склада. Читатели беспокоились об их дальнейшей судьбе, просили, даже требовали разыскать их.

Еще в декабре удалось выяснить, что герои писем живы и здоровы. Самые нетерпеливые читатели, писавшие или звонившие в редакцию «Знамени», облегченно вздохнули. Библиотекарша Щелковской районной библиотеки повесила на двери написанный от руки плакат: «Товарищи читатели, с героями «Шести писем Марины П.» все в порядке». Многотиражка «Уральский университет» опубликовала заметку «Марина П. и Андраш живы!».

Читатели хотели узнать о героях писем больше. И вот, выполняя их наказ, в конце мая этого года я вышел из самолета на поле Будапештского аэродрома. С веранды аэропорта махала руками какая-то пара. Я не очень надеялся, что меня встретят, хотя и телеграфировал Марине о своем приезде; но девушка, размахивающая красными пионами, так, что осыпались лепестки, и юноша в сером костюме, улыбающийся за ее спиной, встречали именно меня.

— Это вы писали мне письма? — спросил я, хотя вопрос был излишен.

— Я, — рассмеялась она. — А что? Не такая?

Хотя моя давняя корреспондентка была очень мила в своем сером платье, с вьющимися волосами, с живыми, быстрыми глазами и быстрой речью, но она не совсем походила на образ, уже сложившийся в сознании. А вот Андраш был именно такой, каким я себе его представлял; Марина очень верно написала его портрет.

Много часов проговорили мы с молодыми супругами об их жизни, работе, планах на будущее. Андраш работает по своей специальности историка, он по-прежнему секретарь партбюро института. Марина преподает студентам русский язык, одновременно практикуясь сама в венгерском. При муже она, правда, не решается говорить по-венгерски, зато охотно беседует с матерью Андраша, учась готовить паприкаш, и его отцом, старым коммунистом, токарем одного из будапештских заводов.

Я вижу, как, спускаясь по лестнице, осторожно ставит ноги на ступеньки Андраш, как крепко он опирается на плечо жены. Пока он сидит или стоит на месте — самый внимательный наблюдатель не заметит на его красивом, энергичном, улыбающемся лице следов перенесенных страданий. Это молодой, сильный, полный веры в жизнь и в свое дело человек. Лишь во время ходьбы по лицу пробежит иногда тень. Но на этих вот ногах, с палкой в руке, все так же опираясь на плечо Марины, он прошел много километров по городу, мимо банд опьяневшего от крови фашистского сброда, чтобы связаться с другом-коммунистом, живущим в доме на Керуте — районе, где особенно бесчинствовали контрреволюционеры.

— Многому научили нас события октября, — говорит Андраш. — Эти события показали и наши собственные слабости и ошибки, позволившие контрреволюции и фашистскому подполью поднять голову. Узнали мы лучше, кто наши истинные друзья и кто враги. Для нас, коммунистов, пришло время большой работы среди народа.

Венгерский народ не позволил контрреволюции обмануть себя. Лучшие сыны народа бок о бок с советскими воинами, пришедшими на подмогу, с оружием в руках защищали и отстояли свою народную власть, свою землю, свои демократические завоевания.

...Я видел этих патриотов, верных сынов народа, в переполненном будапештском Доме офицеров, где героям борьбы с контрреволюцией в торжественной обстановке вручали почетную медаль имени организатора комсомола Венгрии Эндре Шагвари, погибшего в годы борьбы с гитлеризмом. Весь зал поднялся в едином порыве, и долго не смолкала овация, когда на сцену вышли плотный молодой человек в черном костюме и светловолосый лейтенант. Я вглядедся в последнего. Несомненно, я видел где-то эту светлую шевелюру, это лицо. Но где?

— Это Йожеф Фаркаш и Лайош Берта Шомоди, — объяснил мне переводчик. — Их расстреляли фашистские бандиты перед зданием Будапештского горкома партии. Фотографии этого гнусного злодеяния облетели весь мир.

Сразу встал в памяти дождливый ноябрьский день, молчаливые москвичи, рассматривающие фото в газетной витрине. На четырех снимках корреспондент американского журнала «Лайф», оказавшийся «в первом ряду» фашистских убийц, последовательно заснял все фазы убийства защитников народного строя в Венгрии. Первый снимок: молодые парни, выведенные из здания, показывают, что у них нет оружия. Второй: юноши пытаются закрыться руками от автоматных пуль. Третье фото: люди падают, перерезанные очередью свинца. Четвертый снимок: беспорядочная груда тел на окровавленном асфальте.

Фотографии корреспондента «Лайф».

На верхнем снимке: крайний слева — Лайош Шомоди, крайний справа — Йожеф Фаркаш.

Французский журнал «Пари матч», публикуя эти снимки, пытался выдать этот акт оголтелого фашистского террора за проявление «народного гнева». Гнусная клевета опровергнута жизнью! Нет, народ Будапешта по-иному отнесся к жертвам фашистских убийц и хулиганов. Едва бандиты ушли на новые «подвиги», как простые венгры, жители Будапешта, поспешили подобрать тела расстрелянных. И тут кто-то заметил, что один юноша еще дышит, а у другого дрожит окровавленное веко. С риском для жизни, хоронясь от вооруженных банд, патриоты увезли несчастных в больницу. Патриоты, венгерские

Фаркаш (крайний слева) и Шомоди (крайний справа) на вечере, посвященном вручению наград.

врачи и сестры, вынули из тел юношей пули. А позже немецкие друзья в лучшем санатории ГДР терпеливо лечили их, изготовили отличный протез для Лаиоша, потерявшего ногу.

Зал продолжал аплодировать, когда венгерский генерал вручал награды ста пятидесяти героям, и настороженно умолк, когда послышались неудержимые, рвущие сердце рыдания матери одного из погибших...

В казарму, где живет младший лейтенант Лайош Берта Шомоди, я приехал слишком рано; он только вставал и возился с протезом, к которому еще не привык. Молодой офицер — Лайошу всего 23 года — предпочитал проскакать к умывальнику на одной ноге.

— Мы еще спляшем с тобой на фестивале венгерский чардаш старина! — сказал ему Фаркаш.

— Зачем на фестивале? Я и до этого буду плясать: ведь мне играть веснушчатого Петеша!

Оказывается, Лайош участвует в оперетте, которую они с товарищами готовят к фестивальному вечеру. Он просил постановщика дать ему роль, в которой больше целуются: он еще очень молодой и веселый парень, этот восставший из мертвых герой.

Пока Лайош приводит себя в порядок, я рассматриваю письма, которые он достал из планшета. Лайошу пишут из Болгарии, из ГДР, а больше всего из Советского Союза. Юная москвичка предлагает, если нужно, выслать деньги на дорогу, если Лайош решит приехать на фестиваль. «У меня хорошая мама, она от души поможет вам всем, чем только может»,— пишет девушка. Студенты одного из уральских вузов предлагают сообща оплатить поездку Лайоша и Фаркаша на фестиваль. Работники механической мастерской в Туле обещают сделать для товарища Лайоша уникальную моторную коляску, чтобы он мог свободно передвигаться.

Я спрашиваю, что бы они хотели передать читателям «Огонька». Младший лейтенант Лайош Берта Шомоди только что весело остривший, говорит серьезно.

— Передайте, что мы больше никогда не дадим фашистской сволочи стрелять в себя!

...Простых деревенских парней надевших военную форму, наемники мировой реакции расстреляли перед зданием Будапештского горкома партии. Настоящими коммунистами, офицерами армии народа поднялись они из гроба. Пусть же задумаются над подобным действием пуль господа международные убийцы!

...Мы увидим их на фестивале в Москве, этих лучших из лучших, цвет венгерской патриотической молодежи. Увидим Лаиоша Берта Шомоди и Йожефа Фаркаша. Увидим Марину с Андрашем, которых засыпали приглашениями их московские друзья. Встретимся с посланцами венгерской «Магнитки», молодыми рабочими металлургического гиганта Чепель, которых пригласили рабочие Московского автозавода имени Лихачева. Пожмем руки студентам, артистам, молодым посланцам села и старым венгерским коммунистам — участникам революции 1919 года, приглашенным венгерской молодежью в качестве почетных гостей фестиваля.

До встречи в Москве, дорогие товарищи!

ГОВОРИТ

Галина ШЕРГОВА

Фото Дм. Бальтерманца.

Два обстоятельства, предшествовавшие нашему знакомству с лауреатами всесоюзного конкурса к Всемирному фестивалю молодежи, сами по себе ординарны и не заслуживали бы внимания, но обычная человеческая склонность к сопоставлениям заставляла вспоминать о них. Недавно я смотрела иностранную кинохронику, в которой был запечатлен некий конкурс на выносливость в танце и представлен «лауреат», двадцать восемь часов извивавшийся в буги-вуги. Тогда же в одном из зарубежных журналов я прочла безапелляционные утверждения о том, что «Московскому фестивалю грозит непролазная скука, отсутствие выдумки и старомодность искусства». Видимо, выдумкой почитались явления, подобные «конкурсу танца на выносливость».

Мы не собираемся сравнивать праздник нашего молодого искусства со странными «действами», снятыми на кинопленку, ибо, кроме слова «конкурс», никакие аналогии их не связывают. На наш взгляд, рассказ об участниках всесоюзного конкурса сам по себе достаточно примечателен, и не только как иллюстрация смехотворности пророчеств западных экспертов.

На страницах журнала мы покажем некий «фотофильм». В этом есть свои удобства: ведь этот фоторассказ можно, когда надо, прервать, поделиться впечатлениями, разговаривать с ведущим.

Как и положено в фильме, мы пригласили комментатора. Вот он, познакомьтесь: Владимир Михайлович Меркулов, начальник штаба всесоюзных художественных конкурсов.

— Владимир Михайлови[illegible] готовы начать наше фотоп[illegible] ств[illegible]?

— Да, разумеется. Собственно, оно уже началось. Видите, в Москву прибыли участники. Приготовления к выступлениям начинаются еще в автобусе: нужно сохранить во всем блеске реквизит и костюмы. Кстати, на конкурсе мы столкнулись с весьма занятными приготовлениями. Однажды, например, осветители обнаружили на софитах странные кожаные крышки. Выяснилось, что виртуоз-таджик Ало Алиев, играющий на трех бубнах, таким способом подогревал кожу бубнов для выступления.

Суд[illegible] х[illegible]тя бы по этому, на конкур[illegible] были представлены весьма [illegible]еобразные жанры?

— Настолько своеобразные, что иной раз мы даже не могли понять, что за инструмент в руках у исполнителя. Я уж не говорю о том, что музыкальная культура выступавших позволила им исполнить на самых примитивных народных инструментах произведения виртуозной классики. Но однажды мы были абсолютно озадачены, прочтя в личной карточке львовского лесосплавщика Ярослава Полотайчука: «Игра на листьях». А он действительно играет на самых обычных древесных листьях эстрадную и классическую музыку.

Мне хочется ненадолго прервать Владимира Михайловича, потому что история Полотайчука знаменательна. Вот оно, предполагаемое «отсутствие выдумки, старомодность искусства»! Правда, может быть, с точки зрения почитателей новоявленной «конкретной музыки», которые пассакалии Баха предпочитают скрип ржавой шестерни, такое искусство и кажется «старомодным». Но мы за другую выдумку в искусстве — за выдумку, заставляющую живой мир говорить и петь.

— Однако продолжим наш путь. Вероятно, в классических жанрах было много интересного?

— Да, конечно, и зрители убедятся в этом. Но и «классики» не раз ставили нас в тупик. Как, скажите, могло поступить жюри, выслушав ленинградца Азархина, блестяще исполнившего на контрабасе виолончельный репертуар? Ведь контрабас считался инструментом, не подготовленным для этого. Или что было делать с двумя отличными юными грузинскими скрипачами, возраст которых позволит им выступать на фестивале еще только через несколько лет?

Действительно, сложно.

— Судя по озадаченности лиц этих людей, они, вероятно, и есть члены жюри?

РАДОСТЬ

— Да, и им было над чем поломать голову. Скажем:

а) установленного числа медалей не хватило. Их количество увеличили на ходу — одних золотых дали 208 — и опять мало!

б) несложно среди классических жанров, скажем, среди скрипачей, выбрать достойнейшего. А как вот сравнивать степень виртуозности народного искусства узбеков и чукчей?

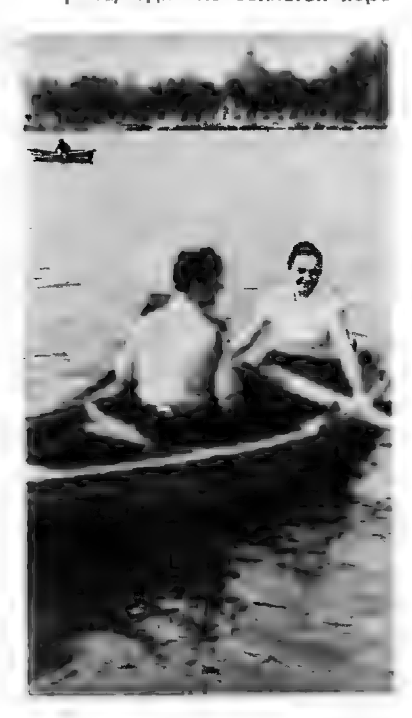
в) да и как просто-напросто вручить за один вечер 592 медали? Составили двадцать очередных списков, поставили столы для десяти членов жюри.

Впрочем, нам еще предстоит ознакомиться с участниками конкурса.

Вот мы уже под Москвой, в Вешняках, где члены советской делегации на Всемирном фестивальном конкурсе готовятся к выступлениям.

— А кто эти двое в лодке? Послушайте: девушка поет, и поет отлично

— Еще бы! Ведь это Валентина Захарова, одна из солисток хора

имени Пятницкого. Три года назад Валя еще была воспитанницей детского дома в Омске, а сейчас ее будут слушать люди со всех материков.

— Это приятно, что народные русские песни прозвучат на фестивале в таком хорошем исполнении. Прирожденная русская манера пения!

— Вот-вот, то же самое писали про Валю будапештские газеты: «Прирожденная венгерская манера исполнения». Недавно хор имени Пятницкого был на гастролях в Венгрии, и Валя пела на языке хозяев страны. И хотя она только там узнала первые слова незнакомого языка, кто-то даже предложил включить ее в состав венгерской делегации на фестиваль.

— Однако мы сами стали жертвой подмосковной природы: никак не уйдем от этого озера.

— Наоборот, мы можем продолжать наше фотопутешествие. Подойдите сюда, я познакомлю вас с этой лихой восьмеркой. Это октет киргизских комузистов.

— Хотя и говорят, что смех не нуждается в переводе, но, не зная киргизского языка, трудно понять, что именно сейчас развеселило наших новых знакомых.

— Ну, для веселья у них достаточно оснований. Во-первых, они могут радоваться тому, что еще полгода назад еле перебирали струны своих комузов — они же обыкновенные рабочие и студенты, а не профессионалы-музыканты,— а сейчас зал ахает от удивления, глядя на них и слушая их. Может быть, они удовлетворенно улыбаются: мечтали получить золотую медаль — получили. А может быть, подсмеиваются над своим товарищем, впервые попавшим в Москву из киргизских степей. Тот все удивлялся — сколько в Москве машин!

А впрочем, разве дело в причинах радости? Важно, что радость есть.

— Название этой картинки очевидно: «Первые зрители» Не так ли? Гостям фестиваля еще предстоит увидеть чудесный национальный танец этих молодых людей с Камчатки. А маленькие, вечно любопытные, уже тут как тут.

— Это верно: они первые зрители. Но смысл такого названия гораздо шире: не только мир, но и Москва впервые видит танец коряков. Так плясали их деды и прадеды, гонявшие стада оленей по диким пастбищам Камчатки. Так танцевали отцы и братья, приходя в селение после рыбалок в сумрачных и своенравных восточных морях. Над этими плясками вздымались пестрые радуги северного сияния. И вот сейчас пляшут они — Ирина Попова, Яков Жирков, Семен Трапезников,— дети маленького корякского племени, студенты, будущие ученые.

И над ними, как яркие сплетения северного сияния, восходят соцветия международных флагов.

— Но, простите, Владимир Михайлович, нам нужно завершать наш фотофильм. Давайте подойдем к окну и послушаем о чем говорят эти девушки.

— Видите, они очень весело настроены. И не без причины. Ведь это обладательницы золотых медалей: скрипачка Зариус Шихмурзаева и пианистка Марина Гоглидзе-Мдивани. Вероятно, они перебирают самые интересные события их долгой музыкальной карьеры.

— [illegible] немногим больше двадцати лет.

— Да, но музыкальная жизнь и той и другой началась в пятилетнем возрасте, и, наверное, Зариус рассказывает подруге о том, что стала скрипачкой, так как ожесточенно возненавидела пианино, к которому мама запрещала подходить, боясь, что девочка отдавит себе пальцы крышкой. А впрочем, нет, видимо, девушки говорят о том, что им теперь не страшны никакие испытания на эстраде. Ведь во время всесоюзного конкурса они попали в условия, не предусмотренные никакими нормативами! Зариус выступала в тот момент, когда над Москвой гремел невиданный ураган, а Марине пришлось играть под аккомпанемент пневматических молотков, ремонтирующих соседнее здание к фестивалю. И все-таки золотые медали были получены!

...Вот кого привела на фестиваль моя страна. Она привела первозданную радость и высокое мастерство ничем не стесненного творчества — лучшее доказательство жизнетворного превосходства разума и прогресса над юродивостью тех заменителей творчества, которые остались там, за гранью всемирного праздника юности.

ГОД МОЛОДЕЖИ

Гавриил КОРОБКОВ,
мастер спорта

Уже отшумели первые крупные соревнования всесоюзного масштаба. Наиболее интересным из них был матч между командами легкоатлетов РСФСР, Украины, Белоруссии, Москвы и Ленинграда.

Рекордов на этой встрече не было. Зато мы увидели новых, совсем еще молодых спортсменов, никогда до этого не выступавших на крупных состязаниях.

Хочется сказать о некоторых из них.

Он бежал «по-куцевски»

По радио объявили, что в беге на 5 тысяч метров не будет участвовать Владимир Куц. Многие зрители с разочарованием поднялись со своих мест и направились к выходу. Они потом пожалели.

Когда со старта чисто «по-куцевски» вырвался москвич Петр Болотников и диктор объявил по радио, что первый круг им пройден за 59 секунд, знатоки на трибунах с усмешкой сказали: «С ума сошел: это же темп для бега на среднюю дистанцию». Тысяча метров была пройдена за 2 минуты 39 секунд. «Зарезался окончательно»,— решили знатоки.

Действительно, начало было слишком быстрым. Можно предположить, что при умеренном темпе вначале Болотников мог бы показать еще лучший результат.

Смело предложив рекордный темп бега, Болотников боролся до конца и первым пересек линию финиша. Он затратил на всю дистанцию 13 минут 58,2 секунды. Этот результат поставил его в ряды сильнейших бегунов мира.

Алексей Десятчиков также «вылез» из 14 минут (13 минут 59,6 секунды). За всю историю легкой атлетики это удалось сделать не многим.

Их не было в списке чемпионов

Болельщики легкой атлетики обратят внимание на барьеристку Галину Макаркину (Москва), на ленинградского спринтера Альберта Пласкеева, на челябинского бегуна Николая Голубенкова, на метателей копья Николая Герасимова из Тихорецка и Виктора Овчинника из Сталинска, наконец, на 19-летнего метателя диска В. Ляхова — сына знаменитого в свое время дискобола, заслуженного мастера спорта Сергея Ляхова.

Для того, чтобы метнуть диск за 50 метров, отцу потребовалось 15 лет тренировки. Сын метнул диск на 51 метр 76 сантиметров уже на второй год занятий спортом.

Победителем в беге на 3 тысячи метров с препятствиями оказался Сергей Пономарев из Владивостока. На этой дистанции он стартовал второй раз в жизни, однако результат — 8 минут 55,6 секунды — сразу поставил его в первые ряды наших бегунов. Я просмотрел списки ста лучших бегунов прошлого года. Имени Сергея Пономарева там не было.

Всех не перечислить. Их действительно много и становится все больше. И если раньше мы всех сильнейших легкоатлетов знали наперечет, то теперь все чаще и чаще, увидев на беговой дорожке незнакомую фигуру и лицо, задаешь вопрос: «Кто это? Откуда?»

Последняя проверка

Недавно на московском стадионе «Динамо» состоялись соревнования, которые определили состав нашей команды для участия в III Международных дружеских спортивных играх молодежи. Это была последняя проверка.

Несмотря на сырой от дождей грунт и порывистый, холодный ветер, были показаны отличные результаты.

Значит, не за горами тот день, когда эта молодежь заменит нашу «старую гвардию» и будет защищать честь Советского Союза в числе первых трех ее представителей в каждом виде легкой атлетики.

Этой чести уже сейчас добились Павел Седов, Гапас Шарипов, Эдвин Озолин, Альгис Балтушникас, Адольф Варанаускас и некоторые другие молодые легкоатлеты. Еще в прошлом году они лишь мечтали надеть заветную красную майку с гербом Советского Союза на груди.

Испытание им предстоит нелегкое. Спортивные игры молодежи — это соревнования, которые по своему масштабу уступают лишь Олимпийским.

Борьба будет острой. Взять хотя бы, к примеру, дистанцию 1 500 метров. Встреча таких бегунов, как олимпийский чемпион из Ирландии Рональд Деланей, немец Клаус Рихтценхайн, мировой рекордсмен в беге на эту дистанцию венгр Иштван Рожовельди, чех Станислав Юнгвирт, австралиец Мервин Линкольн, представит огромный интерес. Это ли не олимпийский состав бегунов!

В тройном прыжке встретятся дважды олимпийский чемпион Адемар Феррейра да Силва (Бразилия), серебряные медалисты двух последних олимпиад Леонид Щербаков (СССР) и Вильямур Эйнарссон (Исландия), Витольд Креер (СССР) — обладатель бронзовой олимпийской медали, один из сильнейших прыгунов мира, Теруци Когаке (Япония).

Во главе с Бетти Катберт — героиней Мельбурна — прибудет знаменитый австралийский квартет женщин-спринтеров.

Участие таких замечательных атлетов, как спринтер из Тринидада Майкл Агостини, венгерский стайер Иожеф Ковач, рекордсмен Европы в толкании ядра Иржи Скобла, обладательница двух серебряных олимпийских медалей спринтер Криста Штубник из Германской Демократической Республики, и многих других украсит эти соревнования.

Еще во время XVI Олимпийских игр при встречах с советскими легкоатлетами многие зарубежные спортсмены изъявили желание приехать в Москву.

Знаменитый «летающий священник» — дважды олимпийский чемпион по прыжкам с шестом американец Роберт Ричардс — сказал нам: «Моя мечта — соревноваться в Москве. Ради этого еще на год отложу окончание своей спортивной карьеры».

Этот дружелюбный широкоплечий общительный человек сразу завоевал наши симпатии.

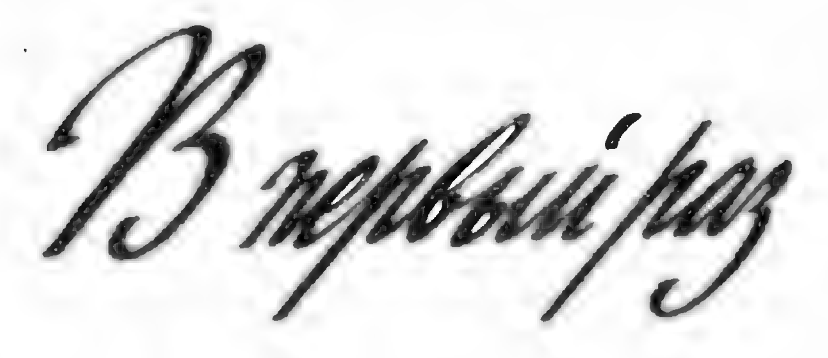
Роберт Ричардс крепко подружился с нашими десятиборцами и шестовиками.

Как-то во время тренировки он спросил их: «А вы, ребята, молитесь перед соревнованиями?» — и, получив отрицательный ответ, сказал: «Не помогает? А мне помогает. Я молюсь». Но, помедлив и хитро улыбнувшись, он добавил: «Правда, кроме этого, надо еще много тренироваться». И он заразительно рассмеялся.

Да, Ричардс тренировался действительно очень много. Он показывал всем пример трудолюбия.

Советские спортсмены с нетерпением ждут встречи со своими зарубежными друзьями. Но, к сожалению, не все желающие смогут приехать. Как стало известно, госдепартамент США запретил американским спортсменам, в том числе Р. Ричардсу, поездку в Москву! Очень жаль.

Атмосфера дружелюбия будет царить и на III играх молодежи в Москве. Здесь встретятся старые друзья, здесь завяжутся новые знакомства, новая дружба.

Е. ШАТРОВ

С международной спортивной ареной, обычно столь же огромной, как и наш земной шар, произошло удивительнейшее явление. Границы ее вдруг стали суживаться, сжиматься, пока не совпали полностью с границами города Москвы.

Сегодня мировая спортивная арена — это московские стадионы, игровые площадки, гимнастические залы, бассейны, водные станции. Советская столица стала местом крупнейших соревнований — III Международных дружеских спортивных игр молодежи. Более 4 тысяч участников представляют на них 50 стран всех континентов.

Каждый спортсмен мечтает о встречах с зарубежными друзьями. Многие наши спортсмены в эти дни впервые выступят на международной арене. Мы хотим представить нескольких дебютантов.

Чем труднее, тем интереснее!

Тамаре Люхиной восемнадцать лет, но кажется, что она еще моложе. Маленькая, стройная, хрупкая девушка с большими синими глазами. Впрочем, нет, только не хрупкая! Разве хрупкая смогла бы стать мастером спорта по гимнастике?!

У Тамары природная гибкость, в ней много пластичности. Эти качества сразу заметил Юрий Эдуардович Штукман, тренер детской спортивной школы в Железнодорожном районе Воронежа, куда пришла Тамара 4 года назад. Ну, что же делать с девчуркой, которой полюбилась гимнастика? Вести ее от разряда к разряду, начинать почти что с азов? Опыт подсказал тренеру действовать в данном случае по-иному:

— Мы будем готовиться сразу на первый разряд!

— Трудно! — испугалась Тома.

В минувшее воскресенье наша страна торжественно отметила Всесоюзный день физкультурника. На стадионах, площадях, рингах, на треках, загородных шоссе, в парках сотни тысяч физкультурников в этот день показывали мастерство и добились новых достижений. Появились новые чемпионы и рекордсмены.

22 июля в Кремле состоялось вручение орденов и медалей СССР большой группе выдающихся спортсменов и тренеров, работников физической культуры и спорта

Высокие правительственные награды получили известные спортсмены, победители XVI Олимпийских игр, а также других международных состязаний, чемпионы и рекордсмены мира и страны.

На снимке: Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР К. Е. Ворошилов с группой награжденных. В первом ряду (слева направо): А. Чудина, Л. Алексеева, К. Е. Ворошилов, М. Исакова, Л. Латынина. Во втором ряду: В. Смыслов, Ф. Хасанова, М. Иткина, О. Рубцова, И. Артамонова, М. Дадашев, С. Муратова и В. Муратов.

Фото Е. Умнова.

— Зато интересно! — улыбнулся Юрий Эдуардович.

Трудностей было много. Задача ставилась широко: укреплять руки и плечи молодой спортсменки, гибче сделать ее корпус, учить гимнастической технике, приемам

В 1954 году Тамара Люхина становится спортсменкой первого разряда, на следующий год она уже мастер. И вдруг — стоп! Спортивные достижения Тамары перестали расти. В чем дело?

Тамара заканчивала среднюю школу, сдавала экзамены на аттестат зрелости. Потом подоспели экзамены в университет. Потом первый же курс химического факультета обрушил на нее целые каскады многозначных формул. Времени для спорта оставалось мало.

— Как же быть? — спрашивал тренер. — Надо поспевать и там и тут... Впереди — дружеские игры!

Девушка взяла себя в руки. Дорожила каждой минутой. Она перешла на второй курс. Она добилась победы в отборочных соревнованиях.

Мама, папа и он

Для преподавательницы хореографии, всей душой почитающей нежное, трепетное искусство балета, не так-то приятно было узнать, что ее Валерик вдруг занялся боксом.

— Ни-ког-да! Ни за что! — горячилась мама.— Тебя искалечат на первой же тренировке.

— Но я уже был на четырех! — спокойно возражал сын.

С мамой семикласснику Валерику пришлось воевать много. И он все-таки отстоял свое желание заниматься боксом.

Правда, мама не успокаивалась и на следующий год.

— Где ребенок? — как-то спросила она, накрывая стол к ужину.— Я предчувствую, что Валерика увезла с этого ужасного ринга «Скорая помощь».

— Ошибаешься! — сказал папа.— Сегодня ребенок дважды бросил своего противника на канаты, нанес ему отличный удар справа, а затем провел целую серию в ближнем бою... Словом, сегодня Валерик выиграл первенство своего общества среди юношей.

— А ты-то откуда знаешь?

— Ну... зашел на соревнования... Так сказать... в порядке родительского надзора!

Дальше расспрашивать маме не пришлось. Вернулся Валерий. С распухшей щекой и дипломом чемпиона. И щеку и диплом все соседи по квартире разглядывали с почтительностью, а мама уже не очень-то сердилась.

Однако ее подстерегала новая беда. Стал подозрительно поздно возвращаться домой папа. В конце концов выяснилось, что папа «заболел» боксом и пропадает на соревнованиях.

Куда девались в семье разговоры о балетных арабесках?! Мужчины ведут бесконечные споры о каких-то «крюках», «длинных снизу», «нокдаунах», о прошедших и будущих состязаниях на ринге. Да-а-а, в милой компании очутилась преподавательница хореографии!

Валерий Левин уже выполнил норму мастера спорта. Он стал в этом году чемпионом Советского Союза среди студентов. Он перешел на третий курс Центрального института физкультуры.

Двадцатилетний боксер Валерий Левин должен выступать в составе команды СССР на III Международных дружеских играх.

Среди дебютантов международного ринга могут оказаться и армеец К. Аничкин, обладающий исключительно сильным ударом, и астраханец Л. Шейнкман, который, впервые выступив нынче в розыгрыше всесоюзного первенства, завоевал золотую медаль чемпиона, и алмаатинец В. Лопатников, одержавший ряд серьезных побед... У тренеров широкий выбор!

Успех налицо

В недавних соревнованиях сильнейших советских пловцов очень удачно выступила ленинградская спортсменка Лариса Викторова. В плавании на спине она заняла на стометровой дистанции четвертое место. Это позволило включить Викторову в число участниц Международных дружеских игр.

Лариса Викторова еще пионерка. Ей всего 13 лет. Два года назад Лора начала плавать в детской спортивной школе. Она была одной из самых старательных и дисциплинированных посетительниц бассейна. И вот успех налицо!

Недавно Викторова начала принимать старты и вместе со взрослыми спортсменами. В 13 лет она выполнила норму первого разряда.

Гребец с реки Сож

Как-то пришлось быть свидетелем такого разговора:

— Вы где занимаетесь греблей?

— На Волге.

— Ого! А ваш товарищ?

— На Неве.

— Тоже солидно!

Видимо, спрашивающий слабовато разбирался в спорте... Александр Морковцев живет в Гомеле и занимается греблей на тихой, ничем особенно не приметной реке Сож. Однако именно этот худощавый, немного застенчивый молодой человек является чемпионом Советского Союза в байдарочной гребле.

Байдарка-одиночка — легкое суденышко, весящее всего 12—14 килограммов. Такую лодку трудно удержать на воде, но еще труднее заставить ее пройти полкилометра за 2 минуты с небольшим. Прежде надо многому научиться и многое преодолеть.

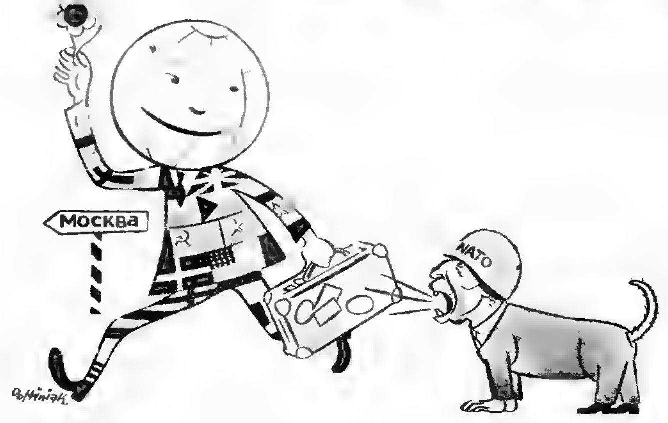
Саша Морковцев впервые сел на байдарку, когда учился в девятом классе. Нравилось грести, сидя не спиной, как на других лодках, а лицом по ходу судна, приятно было вдыхать полной грудью встречный свежий речной воздух. Но очень скоро захотелось добиться еще и быстроты, высоких спортивных результатов.

Морковцев полюбил кратчайшую дистанцию — 500 метров. Здесь нужен темп, выкладывать всего себя без остатка! Он довел количество гребков до 56 в минуту. Это было невероятно трудно, однако желанный темп был достигнут. И все же Саша чувствовал, что байдарку будто притормаживает на ходу.

Пришлось кропотливо устранять погрешности в технике. Победили трудолюбие, любовь к спорту.

На спартакиаде народов СССР студент-гомельчанин стал чемпионом страны.

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ

В Москву, на карнавал.
Полтиньяк. Берлин

Сила привычки.
И. Массина. Тбилиси

Видеть, слышать, разговаривать друг с другом не хотят только гориллы.
Люди — это друзья.
Мительберг. Париж

Она сказала...

что...

ее можно на прощание поцеловать...
И. Массина. Тбилиси.

...Иногда не верь своим глазам

Н. Лисогорский. Москва.

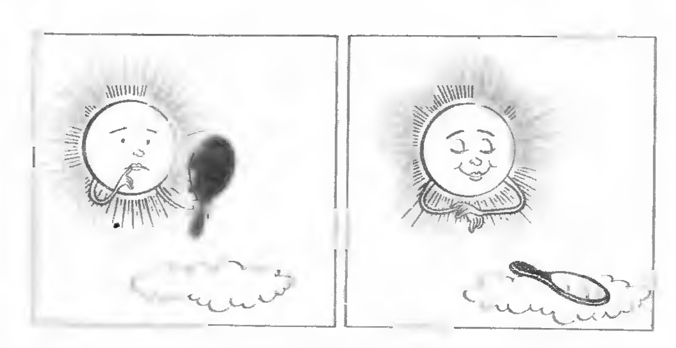

КАРНАВАЛ

Они нашли общий язык.
И. Игорев. Тбилиси

К фестивалю готово!
Г. Оганов. Баку

Дождик не страшен!
М. Ушац, К. Невлер. Москва.

Карнавальная шутка.

Л. и Ю. Черепановы.

«Морской царь»:
— Полцарства за стакан воды!

Мастер художественного свиста.

А. Брусиловский. Харьков.

Настоящий рыцарь.

К. Михайлов. Москва.

Кубки, призы, сувениры

Образец кубков, изготовляемых Московским заводом художественного литья.

Едва ли сейчас можно встретить в Москве юношу или девушку без значка с взлетающим белоснежным голубем в пятицветной розетке или без эмблемы III Международных дружеских спортивных игр. Их производит Московский завод художественного литья и обработки металлов.

Мы побывали на этом заводе. Кабинет директора напоминает уголок художественной выставки. Здесь много кубков, сувениров, памятных ларцов, шкатулок.

Вот значки, только что принесенные из цеха. Эти красивые сувениры может получить каждый участник Московского фестиваля. Для этого достаточно выполнить три несложных спортивных упражнения, доступных любому, даже нетренированному молодому человеку.

Сейчас мастера заканчивают подготовку новых образцов кубков, служебных судейских значков. Многое уже сделано.

Нам показали образцы кубков, которыми в дни фестиваля будут награждаться спортсмены и целые коллективы.

Художники получают от будущих участников фестиваля много писем с советами и пожеланиями. Нередко молодые энтузиасты сами приходят на завод.

Недавно на завод пришли студенты 1-го Московского медицинского института. Для своего спортивного праздника они решили заказать значки. Ими будут награждаться лучшие спортсмены института. Кроме того, завод сделает памятные жетоны для общеинститутского фестивального праздника. Таких заказов завод получает очень много. Нередко приходят заказы и для заграницы.

В. ПРОКОПЕНКО

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Праздник молодости и дружбы. 6. Птица семейства утиных. 8. Место в театре перед сценой для музыкантов. 11. Стеклянные цветные бусинки. 14. Остров в Балтийском море. 15. Живописец-передвижник, народный художник РСФСР. 16. Торжественный смотр. 18. Хлопчатобумажная ткань. 19. Рама для изготовления литейной формы. 21. Вид искусства. 24. Суша. 25. Участок с искусственным травянистым покровом. 27. Женская одежда. 30. Музыкально-поэтическое произведение. 31. Озеро в Армении. 32. Перо с тупым концом. 33. Шахматная фигура. 34. Новый телевизор.

По вертикали:

1. Потомки африканцев, живущие в Америке. 2. Род растений семейства синюховых. 3. Приспособление для прыжков. 5. Соревнование команд на скорость. 7. Объявление. 8. Буква греческого алфавита. 9. Приток Оки. 10. Прогрессивный писатель и общественный деятель Индии. 12. Повесть А. И. Куприна. 13. Маскарадный костюм. 16. Государство в Центральной Америке. 17. Удлиненная впадина. 20. Водоем. 22 Единица измерения светового потока. 23. Состязание рыцарей в средние века. 25. Областной центр Белоруссии. 26. Пигментация кожи под действием ультрафиолетовых лучей. 28. Чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения. 29. Духовой инструмент.

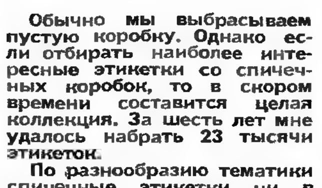
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали:

5. Дагестан. 7. Молибден. 11 Аэросани 12. Набросок. 13. «Мальва». 14. Боргес. 15. Анализ. 18. Электростатика. 20. Акклиматизация. 25. Малина. 26. Аммиак. 27. Экипаж. 30. Аттестат 31. Ирландия. 32. Коверкот. 33. Собрание.

По вертикали:

1. Карнавал. 2. Бархан. 3. Борьба. 4. Демокрит. 6. Самосвал 8. Источник. 9. Килограммометр. 10. Инвентаризация. 16. Скопле. 17. Стакан. 18. Этна. 19. Азия. 21. Конвейер. 22. Искандер. 23. Батальон. 24. Памятник. 28. Статор. 29. Глазок.

МАЛЕНЬКИЕ ПЛАКАТЫ

Обычно мы выбрасываем пустую коробку. Однако если отбирать наиболее интересные этикетки со спичечных коробок, то в скором времени составится целая коллекция. За шесть лет мне удалось набрать 23 тысячи этикеток.

По разнообразию тематики спичечные этикетки ни в чем не уступят почтовым маркам, и на этикетках мы находим отражение истории, экономики, географии, есть и произведения искусства, и спорт, и техника. Поход ледокола «Красин», спасение «Челюскина», перелет Москва — Северный полюс — Америка,—о всех этих событиях напоминают маленькие плакаты. В годы Великой Отечественной войны на спичечных коробках помещались призывы к защите Родины. Сейчас выпущены серии о Московском фестивале.

Любопытны иностранные этикетки. Чешские, например, пропагандируют музеи республики и природные заповедники, в Швейцарии выпущен целый набор с дорожными знаками, голландские предлагают развлечение в пути — головоломки или домино.

В. БОГДАНОВ

ДОБРОЕ УТРО, ГОСПОДИН ЮСТИЦИИ СОВЕТНИК!

(Датская юмореска)

Как-то ранним утром один крестьянин верхом на лошади приехал в город. И случилось так, что в это самое время помощник городского судьи стоял у открытого окна, покуривая свою утреннюю трубку.

— Доброе утро, Ларс Педерсен! — сказал помощник судьи. — Что новенького на свете?

— Э, все по-старому,— отвечал крестьянин,— мелких воров вешают, а перед крупными жуликами шапку снимают.

В ту же минуту он снял свою шапку и поклонился.

— Доброе утро, господин юстиции советник!

Перевела с датского
Ф. ЗОЛОТАРЕВСКАЯ.

Рисунок А. Брусиловского.

Из почты «Огонька»

Сом на спиннинге

Этот сом пойман на реке Нее, в Костромской области. Я забрасывал спиннинг у строящейся плотины. Во время третьего заброса повел блесну у самого дна и ощутил большую тяжесть. Началась осторожная и упорная борьба. Через сорок пять минут рыба прекратила рывки и легла на дно. С трудом удалось сдвинуть ее с места и потихоньку, метр за метром, приблизить к берегу. Подоспевший паренек быстро изготовил багорик, зацепил и вытащил добычу на берег. Сом оказался около полутора метров длиной и весил девятнадцать килограммов.

В. ЛУКИЧЕВ,
инженер-гидротехник.

На вкладках этого номера восемь страниц цветных фотографий.

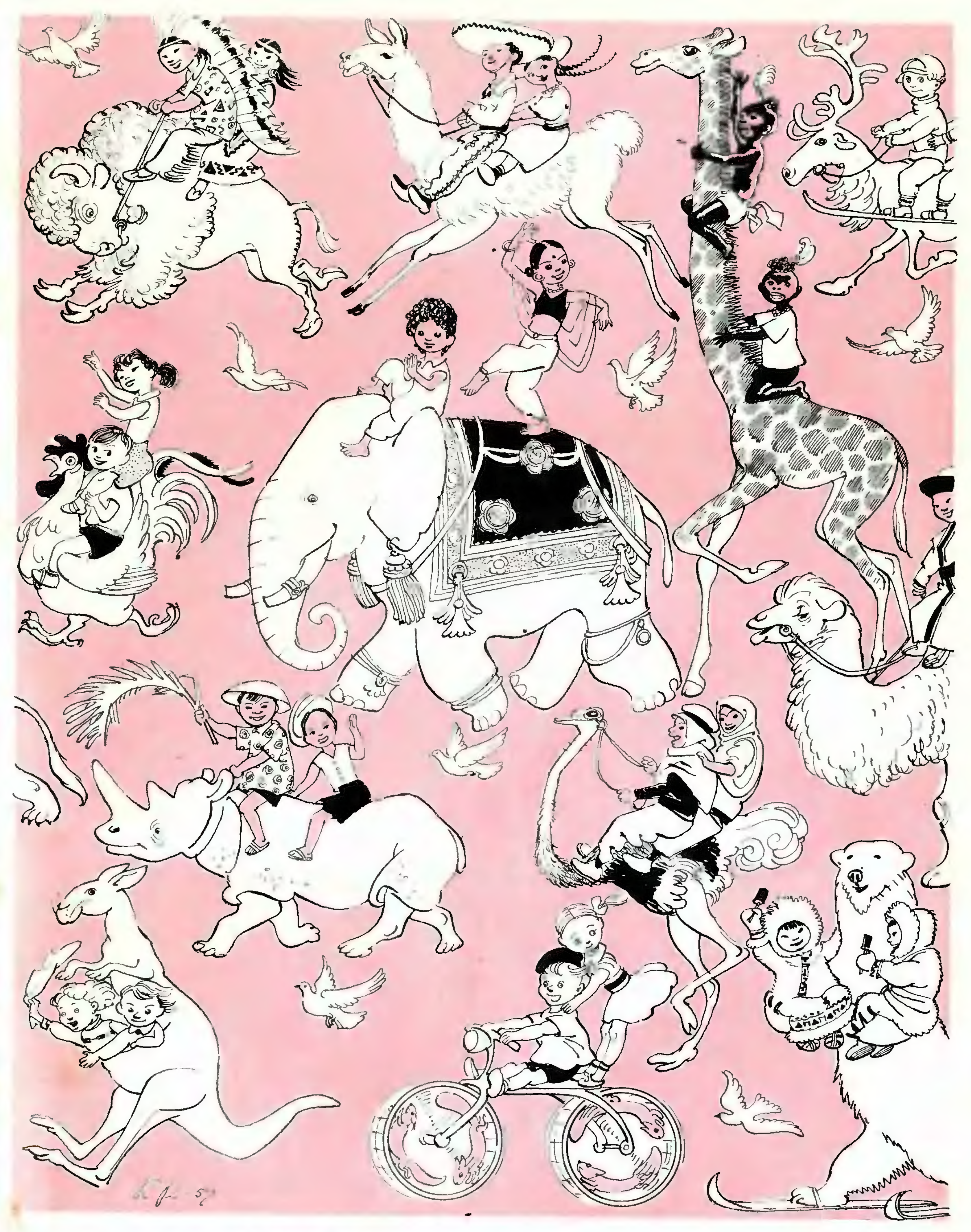
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06622. Подписано к печати 24/VII 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 738. Заказ № 1890

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Прозвучала труба горниста
И в грядущее устремлен
Необычных кавалеристов
Фантастический эскадрон

[illegible] вид геройский
У «[illegible]» боевая прыть..
Разве может такое войско
Хоть кому-нибудь победить?

Дети мира! Как старый конник,
Говорю вам от всей души:
Учитесь дальше из всех силенок,
Будьте счастливы, малыши!

Михаил СВЕТЛОВ

Рисунок Константина РОТОВА

Обложка Г. Шубиной и Д. Дмитриева.

Цена номера 3 руб.

Vänskap

eace

Přátelství

平和

dostluk

Przyjaźń

دوستی

AMICIZIA

Freundschaft

Pokój

मित्रता

友誼

ACE

barış

MIER

الصداقة

Vriendschap

Дружба

Fred

평호